

Мам, где тебя нет

Она

...Заливистый гомон птиц...

...Чей-то громкий окрик и свист...

...Возмущенный гудок клаксона...

...Скандальная ругань дворняг...

...Пьянящее благоухание сирени и цветущих каштанов, пропитанное янтарными лучами солнца...

Шум пробуждающегося города врывается в раскрытое окно вместе с теплым майским ветром. Как не хочется открывать глаза... Сейчас послышится звук льющейся из крана воды, протяжное щелканье электроподжига газа на кухне и торопливые мужские шаги... Она встанет и, сонно шлепая босыми ногами по паркету, поплетется в сторону ванной комнаты. Дверь откроется и на пороге появится он...

Уткнувшись носом в его еще влажную после душа грудь, она будет стоять так несколько минут, закрыв глаза, упоенно жмурясь, вдыхая запах мыла, пены для бритья, лосьона и неповторимый, терпко-горький аромат мужчины. Ее мужчины... Широкие шершавые ладони с длинными узловатыми пальцами, такие родные, такие до боли близкие, осторожно лягут на спину и затылок, бережно поглаживая, успокаивая, не давая окончательно стряхнуть с себя остатки сна. Прохладные губы коснутся макушки, посылая волны колких мурашек по всему телу.

- Просыпайся, котенок.

- У- у, - она с шумом вдохнет воздух, еще сильнее прижавшись к горячему телу мужа.

- Ты опоздаешь, - мягкий, млочичный голос зазвучит, как музыка.

- Побудь со мной еще, - слова сорвутся с губ и, словно стеклянные шарики, падающие на кафельный пол, разобьются о звенящую пустоту.

- Не могу... ты же знаешь - грустно улыбнется он.,

- Пожалуйста, останься, - шепчет она.

- Я люблю тебя, - яркий свет слепящим клином встает между ними, и голос тает в белоснежной дали вместе с расплывчатым силуэтом.

- Не уходи... Мой сон, моя иллюзия...

Открыв глаза, Аня будет долго смотреть в потолок, вспоминая мягкость его прикосновений, умиротворяющую ласку его голоса и запах... Она помнит его сквозь время и бесконечную боль расставания.

- Андрюша... - в уголках глаз появятся тяжелые, соленые капли и, скатившись к вискам жемчужными дорожками, повиснут на темных, спутавшихся прядях волос. Рука машинально потянется к вырезу ночной рубахи, привычно нащупывая тонкий ободок

обручального кольца на цепочке. Это ее любимое время суток: он всегда приходит с рассветом. Светлый образ будит ее каждое утро, не давая сорваться в бездну тьмы и отчаяния. И эти короткие сны такие живые, такие осязаемые, наполненные его бесконечно родным теплом, улыбкой - еле заметной, едва касающейся милых губ, солнечными лучиками морщинок, ползущих из уголков глаз, и нежностью, обволакивающей ее, словно в кокон, защищая от разрушающей душу серой реальности.

- Пора вставать, - вот уже пять лет она говорит это себе каждое утро, заставляя себя продолжать жить.

Сейчас она спустится на первый этаж пустого и одинокого дома, наденет кроссовки, привычно вставит в уши наушники, нажмет кнопку на МРЗ-плеере, и серое полотно асфальта на полчаса заставит забыть обо всем - просто двигаться, пропуская сквозь себя пыль времени.

Ей нравится бег. В этот рассветный час в целом мире для нее не остается никого, только эхо шагов, отлетающее от бетонного покрытия, и ветер, трогающий лицо невидимым крылом. Полчаса забвения...Просто бежать...Просто слушать музыку...Не думать...Не помнить...

А потом все вернется на круги своя. Бесконечно длинный день. Встречи. Суета. Снова встречи. Снова суета. Наползающая паутина сумрака, втягивающая ее, словно пойманную муху, в вязкие сети вечера. Затем ночь - стылая, холодная, липкая, одинокая. И снова долгожданный рассвет, и снова короткий миг счастья, затерявшийся маленькой песчинкой в необъятном полотне мироздания...

Вернувшись с пробежки и стоя под отрезвляющими струями контрастного душа, Анна все спрашивала себя: «Зачем она это делает?». Ведь было бы гораздо проще забыть на себя, есть с утра до вечера фаст-фуд, тонны пирожных, какую-нибудь высококалорийную дрянь, и в конце концов превратившись в неподъемную аморфную грудку умереть от сердечного приступа. Она боялась - боялась, что возможно тогда именно такой попадет на тот свет, и они попросту не узнают в ней ту, что так любили. Именно этот страх заставлял ее есть, пить, дышать и влачить дальше свое безрадостное существование.

Пять лет назад ее мир рухнул вместе с упавшим в Индийский океан самолетом. Столько лет она пыталась понять, за что Господь так поступил с ней? Почему именно ее оставил в живых? Почему позволил случиться такой вопиющей несправедливости? Память, застывшей в янтаре стрекозой, мучила ее, воскрешая любимые образы и лица. Вроде бы вот она - можно увидеть, прикоснуться рукой, почувствовать хранящую солнечное тепло оболочку, но нельзя заставить стрекозу выбраться из камня и снова взлететь. И она прятала воспоминания в маленькие ящички своего сознания, вытягивая их каждый день, ненадолго согреваясь в них, как в шерстяном пледе в промозглый дождливый вечер.

Отель на Мальдивах они с Андреем выбирали долго и придирчиво. Они просто хотели расслабиться на короткий срок, и побыть всей семьей подальше от обыденного шума и суеты, а когда увидели фотографии «The Residence Maldives», его водные виллы с бассейнами и террасами, выходящими прямо в море, единодушно остановились именно на нем. Супруги мечтали, как будут встречать у воды закат, а потом смотреть в прекрасное ночное небо, по которому божественной рукой разлит Млечный путь, ускользающий звездным мостом в бесконечность Вселенной.

Такой отдых они могли позволить себе впервые. В последние годы дела Андрея резко пошли вверх. Они наконец-то смогли купить дом за городом, о котором мечтали со времен студенческой молодости. Правда это пока была лишь коробка, но Аня, будучи модельером и невероятно творческой натурой, уже видела, как все будет выглядеть внутри. Нанятая бригада

строителей должна была сдать объект к моменту их возвращения с курорта.

Корректировку в планы внес его величество случай...

Когда доход семьи стал увеличиваться, Андрей, считавший свою жену самородком и невероятным талантом, помог ей начать свой собственный бизнес, выкупив для нее помещение, где она смогла организовать независимую дизайн-студию. Аня, вдохновленная идеей создать свою неповторимую коллекцию, просиживала в мастерской целыми днями, рисуя эскизы моделей одежды. Яркие, летящие по подиуму образы, снились ей по ночам, и едва вскочив с кровати, она хватала листок и карандаш, набрасывая их на бумаге. Муж и сын весело смеялись над ней, когда она за завтраком на кухне вдруг зависала, уходя в себя.

- Мама опять ушла в астрал, - подшучивал десятилетний Артем.

- Вот погодите, я посмотрю, что вы скажете, когда я стану знаменитой, - Аня гордо задирала нос, потом, взъерошив темные шевелюры своих мальчиков, радостно целовала их улыбающиеся лица.

- Мы будем невероятно тобой гордиться и говорить, что ты непревзойденный мастер своего дела. Гуру мира моды. Величайший кутюрье всех времен и народов! - Андрей подмигивал сыну, и они вдвоем убедительно кивали головами, вызывая у Ани светлую улыбку.

За день до отъезда на Мальдивы из Америки позвонила Анина представительница, сообщив, казалось бы, невероятную вещь: ее коллекцией заинтересовались ТВ-байеры нескольких известных бутиков Нью-Йорка. Анин билет сдали, и они с Андреем договорились, что муж с сыном отправятся без нее, а она прилетит на курорт прямо из Штатов, после завершения сделки.

Спустя три дня Анна прыгала от радости по просторному номеру отеля, пытаясь дозвониться до любимого и сообщить, что у нее раскупили все платья до единого, и есть заказы на новые, те, что она только начала шить. Эскизы настолько понравились закупщикам, что они согласились, разобрать одежду, как только она будет готова.

Телефонный номер Андрея не отвечал, постоянно сообщая, что абонент временно недоступен или находится вне зоны доступа, и Аня списала эту досадную неловкость на плохой роуминг. Едва приземлившись на острове Хулуле, в международном аэропорту им. Ибрагима Насера, снова стала звонить мужу - он просил известить его, как только она выйдет из самолета, но на том конце трубки электронный робот приятным женским голосом, вещал все ту же занудную фразу. Мурлыкая себе под нос мотивчик незатейливой песни группы «Город 312» - «Вне зоны доступа», Аня ждала своей очереди на регистрацию.

Двое мужчин в штатском подошли к ней, когда она предъявляла свои документы, и попросили пройти с ними.

То, что произошло дальше, Анна помнила смутно.

Она долго не могла понять, о какой авиакатастрофе ей толкуют странные, суесящиеся вокруг нее люди, и причем тут она? Ей нужно к сыну и мужу, а эти ненормальные вот уже битый час держат ее в маленькой служебной комнатухе, принося соболезнования и...

Жестокая правда обрушилась на нее, словно молот, расплющивая, как свинцовую бляшку: самолет, следовавший рейсом номер 477 потерпел крушение – никто из пассажиров не выжил.

Серые очертания комнаты слились в одну сплошную линию, и Аня провалилась в черную бездну.

Через две недели она вынырнула из вязкой топи безнадеги и горя, тянувших ее на самое дно, и две упаковки амитриптилина стали отчаянной попыткой свести счеты с постылой жизнью и пожирающей ее душу бесконечной болью.

Ее спасла мама. Все эти страшные дни она была рядом, не отходя от дочери ни на секунду. Аня наглоталась таблеток, когда мать вышла в магазин за продуктами. Словно почувствовав что-то неладное, женщина так и не дошла до супермаркета, завернув обратно, едва прошла полпути.

Мамины связи врача и ее слезные объяснения о произошедшей трагедии не позволили забрать несостоявшуюся самоубийцу в психиатрическую больницу.

А потом пришел отец Дмитрий, добродушный священник с лицом Ильи Муромца, и долго рассказывал ей о загробной жизни, крепко держа за руку.

- Ты ведь хочешь снова встретиться с ними? - простой вопрос застал Аню врасплох. Она посмотрела на служителя церкви сквозь слезы и согласно кивнула головой.

- Хочу, - единственное слово, которое ей удалось выговорить за последние несколько дней.

- Тогда ты должна знать: самоубийцы не попадают в рай, а твоя семья сейчас именно там. Тебе придется жить, и не просто жить, а каждым днем своего существования доказывать Всевышнему, что оно не бесполезно, что ты достойна своего мужа и сына.

- Почему? Почему он не позволил мне уйти вместе с ними? Зачем оставил одну? За что наказал? - Аня выплескивала на священника душившую ее обиду, и полные горечи вопросы, зависая в воздухе, лопались, словно мыльные пузыри.

- Я знаю, тебе мои слова покажутся банальными и избитыми, но все, что дает человеку Господь, он дает не в наказание, а во благо. Думай, не за что тебе это, а для чего? У каждого свой путь. У кого-то он длинный, извилистый, с грузом разочарований и потерь, с глубокими ямами и колючими терновыми кустами, а у кого-то яркий и короткий, как свет падающей звезды, но каковым бы ни был твой путь, Бог никогда не возложит на твои плечи груз больший, чем тот, что ты сможешь унести.

- Слова, все слова. Просто красивые слова. Вы говорите их каждой вроде меня, просто чтобы заставить поверить, что нам есть, для чего дальше жить.

- Человек говорит много красивых слов, зачастую наполняя их уродством своих деяний, в моих словах лишь непреложная истина, в них нет злого умысла, только желание убедить тебя посмотреть на суть бытия не через призму своего горя. Ты пришла в этот мир по воле Бога, по его воле и уйдешь. Дождись своего часа, Анна. А пока будешь ждать, постарайся не разочаровать тех, кто смотрит на тебя с небес. Твоим мужчинам наверняка больно видеть тебя такой. Твоя миссия на этой земле еще не закончилась, именно это хотел донести до тебя Господь. И чем раньше ты это поймешь и исполнишь свое предназначение, тем быстрее окажешься рядом со своей семьей.

- И какая моя миссия? Что я должна делать? - Аня откинулась на подушки, пустым взглядом разглядывая скользящих по стенам комнаты солнечных зайчиков.

Отец Дмитрий грустно улыбнулся, положив тяжелую ладонь ей на голову.

- Ответы на свои вопросы ты должна будешь найти сама. Для этого ты и осталась жить.

Когда он ушел, Аня, молча пялилась в пустоту комнаты, пытаясь зацепиться хоть за что-то. Столько разных предметов, наполнявших ее дом радостными воспоминаниями, теперь казались грудой нелепого мусора, непонятно зачем захламляющей пространство своей бесполезностью. Статуэтка крылатой богини Ники...Они с Андреем купили ее в Греции, в прошлом году. Им всегда нравились одно и то же, и зачастую не нужно было даже спрашивать друг у друга, купить или не купить ту или иную вещь. Достаточно было посмотреть в глаза, увидеть там молчаливое согласие, и потом тихо улыбаться тому, что они живут на одной волне, понимая несказанное без слов. Теперь все эти безделушки раздражали

Аню, они услужливо выуживали из ее памяти болезненные воспоминания, вонзая в ее разбитое сердце острые стрелы и ножи.

Свесившись с кровати, она стала шарить рукой по полу в поисках тапка. Ей хотелось запустить им в ненавистную фигурку, чтобы та, свалившись с полки, разлетелась на тысячи осколков, чтобы не осталось даже шанса попытаться склеить ее, чтобы не осталось даже напоминания о ее существовании, чтобы она больше никогда не мучила ее.

Ладонь неожиданно коснулась блокнота и карандаша, валявшихся под кроватью. Аня специально оставляла их там раньше. Проснувшись рано утром, она пыталась успеть набросать на бумаге образы, пришедшие к ней во сне. Со дня гибели мужа и сына она ни разу не посещала свою студию, вдохновение и желание творить умерло вместе с ее мальчиками. Открыв блокнот, она стала перелистывать эскизы, и внезапно замерла, наткнувшись взглядом на листок, испещренный круглым витиеватым почерком Андриюши:

*Среди пресыщенья, среди изобилья,
Вдали от безжалостных будничных нужд,
Внезапно у женщины выросли крылья.
Зачем тебе крылья? – спросил её муж –
До службы добраться? - Так лучше в машине.
На рынок за мясом? - Полезно пешком.
И кажутся крылья такими большими,
Как будто идёшь за плечами с мешком.
Девчонке - и то этих крыльев не нужно,
Но если неймётся – пускай пофорсит.
А женщине зрелой, к тому же замужней,
С крылами ходить неудобство и стыд.
Но женщина, хлопнув отчаянно дверью,
Пошла, спотыкаясь, как будто впотьмах,
И вышла на белый берег забвенья,
И сделала первый, решительный взмах.*

Я верю в тебя любимая...

Все перед глазами поплыло. Аня снова и снова перечитывала написанное мужем послание, роняя горячие слезы на ровные ряды строчек.

- Так вот что ты хотел? – срывающимся голосом прошептала она. – Ты хотел видеть мои крылья, любимый? - прижав к груди блокнот, она впитывала кожей льющуюся с бумаги бесконечную любовь и веру в нее, - Спасибо! Я поняла.

Поднявшись с постели, Анна оделась, привела себя в порядок и первым делом позвонила девочкам на работу.

- Я приеду через полчаса, - сообщила она сотрудникам.
Теперь она знала зачем жить дальше.

Он

Боинг набирал высоту, вспарывая серебристым крылом безоблачное небо Лос-Анджелеса. Влад смотрел на город ангелов, лежавший у его ног, и ему казалось, что он стоит на вершине мира. Он любил летать. Невероятное чувство эйфории и гордости за величие и силу человеческой мысли заполняли все его естество, когда, презрев законы гравитации,

самолет отрывался от земли, устремляясь в небо, вступая в спор с природой и богом. Ему нравилось это ощущение постепенного движения вверх, словно шаг за шагом брал новую высоту, поднимаясь на пьедестал, становясь недостижимым для тех, кто остался позади, где-то там внизу. И он брал эту высоту каждый день, сам себе завышая планку, двигаясь настойчиво, упорно, монотонно, словно ледокол, раскалывающий льды севера, заставляя скрепя сердце снимать перед ним шляпу тех, кто вот уже столько лет ждал, когда упадет железный идол.

Падать было больно. Этот урок он усвоил слишком хорошо...

Слишком сильный, слишком упрямый, слишком гордый и тщеславный. В нем было так много этих «слишком», и все они делали его тем, кем он был - абсолютным чемпионом мира по боксу в супертяжелом весе Владиславом Вольским.

Головокружительный подъем начался с победы на Олимпийских играх, когда он, никому неизвестный двадцатилетний парень, получил золотую медаль. Путь к финалу начался для него с впечатляющей победы над Мэтью Макламбо из Конго. В самом начале боя он отправил соперника в нокдаун, а к середине первого раунда всё завершилось нокаутом. Далее Влад последовательно победил по очкам с подавляющим преимуществом. И в финале нанес сокрушающий апперкот кубинцу, послав его во втором раунде в глубокий нокдаун, а затем и нокаут.

Предложения о профессиональной карьере боксера посыпались на него, как из рога изобилия. Спустя год после Олимпиады, заключив контракт с известной промоутерской компанией Universum Golden Promotions, Влад переехал в Штаты, и с этого момента весь его жизненный путь превратился в триумфальную дорогу на самую вершину славы.

В бокс его привел отец в четырнадцать лет, после того, как однажды Влад вернулся с улицы избитым дворовыми мальчишками. Их семья только переехала из провинции в столицу, и местная шпана, признав в нем чужака, хорошенько отметелила его за то, что посмел дерзить и упираться, когда они требовали с него деньги за «прописку».

Влад рос в интеллигентной семье: мать была преподавателем иностранных языков, а отец физиком-ядерщиком. Именно отца пригласили на работу в столицу в научно исследовательский институт, и в отличие от сестры Лерки, которая была младше его на три года, Влад очень расстроился, узнав о переезде. В родном городе оставалась школа, где он был круглым отличником и неприкасаемым авторитетом в классе, друзья, и Ленка Мироненко из параллельного 8-А, к которой он неровно дышал.

Мегаполис не понравился Владу с первых же дней: суета, шум, снующие туда-сюда толпы людей, пробки и толчея дико раздражали мальчишку. Новый класс принял его настороженно. Высокий, худой, молчаливый и излишне умный, он мгновенно заслужил звание ботаника. И, наверное, таковым бы он и остался до окончания старших классов, если бы не все тот же пресловутый бокс...

Первая тренировка прошла для него ужасно: вернувшись домой с подбитым глазом, Влад швырнул спортивную сумку с самого порога, и на вопрос отца: «Ну как бокс?», ответил:

- Тупой мордобой.

- Тупым мордобоем он будет, если ты будешь тупо бить морду и позволять другим бить ее тебе, - возразил сыну отец.

- А что, может быть по-другому? – съязвил он. - Я не понимаю, зачем мне вообще это нужно? Ты прожил без бокса всю свою жизнь, и это не помешало тебе стать успешным человеком. Я собираюсь поступать в физтех после окончания школы, на фига мне твой дурацкий бокс?

- Я во времена своей молодости занимался борьбой и служил в армии. Мужчина

должен уметь постоять за себя и в случае необходимости защитить свою семью.

- От кого ее надо защищать? Можно подумать, нас кто-то когда-то трогал, - Влад злился, и теперь, не скрывая собственного раздражения, выплескивал его на родителя.

- А ты не прав, сынок, - вмешалась мама. - Знаешь, как мы познакомились с твоим отцом?

- Избавьте меня от своих романтических воспоминаний, - зло буркнул Влад, направляясь в свою комнату.

- Твой папа уложил одной левой трех парней, когда они пытались отнять у меня сумочку.

Влад недоверчиво посмотрел на усмехающегося отца, но тот лишь пожал плечами, подтверждая, что все сказанное мамой - правда. И этот факт несколько обескуражил парня: он привык видеть отца строгим, собранным, в костюме и галстук, с грамотно поставленной речью и безупречными манерами. Образ рубахи-парня, способного справиться сразу с тремя хулиганами, в то время как он сам не мог противостоять и одному, никак не вязался с тем папой, которого он знал всю свою недолгую жизнь.

- Однажды и у тебя появится девушка, - отец с матерью переглянулись и понимающе улыбнулись друг другу. - И что ты будешь за кавалер, если к ней пристанут, а ты не сможешь дать обидчикам отпор?

Влад не нашел, чем возразить отцу на такой аргумент, но, тем не менее, из юношеской вредности и максимализма, поинтересовался:

- Ладно, ты занимался борьбой, а меня зачем отправил на бокс? Тупой вид спорта. И боксеры все тупые.

- Ну, во-первых, потому, что секция бокса оказалась ближе всех к дому, а во-вторых, ты меня разочаровываешь: прежде чем утверждать, что это, как ты выражаешься, «тупой» спорт, ты хотя бы почитал его историю. Знаешь ли ты, что бокс был включен в программу античных олимпийских игр с 688 года до нашей эры? Современный бокс усовершенствовали англичане, и Английский классический бокс смело можно назвать «спортом аристократов», в котором есть свои джентльменские традиции. Я считаю, что бокс, наверное, наиболее мужской вид спорта и вырабатывает силу, выносливость, отличную реакцию и уверенность в себе. Все эти качества умному человеку не помеха, а только подспорье для достижения более высоких целей.

С этими словами отца Влад не мог не согласиться, на следующий день он просидел несколько часов в библиотеке, собирая информацию об истории бокса, и когда прочитал все, что смог нарыть, мнение о столь неприятном для него виде спорта кардинально поменялось. Будучи натурой целеустремленной и увлекающейся, спустя год он стал лучшим бойцом в секции, и невероятной гордостью тренера, после того как выиграл турнир Золотые Перчатки и вошел в сборную на первенство Европы по боксу среди юниоров.

Бокс изменил и отношение к нему ребят в школе. Однажды, на перемене, он вступился за одноклассницу, которую дергал и зажимал местный забияка и разгильдяй Витька Рэва.

- Отвали от нее, - дернув за плечо парня настойчиво попросил Владик.

- Слышь, Вольский, ты бы канал отсюда, пока я тебе прогонных не выписал, - Витька криво ухмыльнулся и красноречивым жестом дал понять о серьезности своих намерений.

- Отвали от нее, еще раз повторять не буду, - мрачно настоял на своем Влад.

Витька долго разбираться не стал - вскинув сжатую в кулак руку попытался дать в морду зарвавшемуся однокласснику. Совершив молниеносный уклон влево, Влад провёл правый хук по корпусу противника и Рэва, скорчившись от боли, упал на пол у ног победителя.

С этого момента никто и никогда больше не смел называть Влада ботаном или смеяться над ним, да и сложно было теперь узнать в парне под метр восемьдесят щуплого узловатого подростка, каким он только появился в школе. Благодаря постоянным тренировкам и нагрузкам тело юноши претерпело колоссальные изменения: плечи стали шире, грудь и руки сильными, мускулистыми, ноги крепкими и выносливыми.

К окончанию одиннадцатого класса он вырос под метр девяносто, и его косая сажень в плечах и нехилая мускулатура были предметом зависти мужской половины школы и объектом вздыхания женской. Теперь он был не просто школьным лидером и лучшим учеником, он был чемпионом Европы среди юношей, о чем красноречиво свидетельствовала его фотография и надпись на Доске почета возле учительской. Влад понял одну нехитрую вещь - ум уважают избранные, а ум и силу уважают абсолютно все.

После окончания школы он таки поступил в столь желанный им физико-технический институт, но спорт не бросил. Да и куда теперь было бросать, когда спортивная кафедра института возлагала на него большие надежды в связи с предстоящим Чемпионатом мира. Сложно было одновременно учиться, сдавать экзамены и участвовать в сборах. После выматывавших его тело тренировок Влад ночами просиживал над учебниками, штудировав пройденный материал. Но у него была цель, и он пер к ней напролом, словно танк.

Золото Олимпиады и профессиональная карьера боксера не помешали ему доучиться, он неделями колесил из одного конца света в другой, чтобы сдать экзамены и получить диплом с отличием. Родители и сестра невероятно гордились им, и Влад дал себе обещание, что, встав на ноги, сделает все, чтобы они никогда больше ни в чем не нуждались.

Два года каторжного, упорного труда и побед дали свои результаты: выйдя на свой первый титульный поединок, он нокаутировал противника в третьем раунде и, получив свой первый пояс, стал новым чемпионом по версии WBO.

Успех вскружил ему голову, его узнавали на улице, ему предлагали сняться в рекламе, его приглашали на телевидение, он стал объектом пристального женского внимания. Деньги, которые он получил за победу и использование своего имени в рекламах, как бренда, Влад удачно вкладывал в недвижимость, как у себя дома, так и за рубежом. Он был молод, успешен, богат и знаменит. Но судьба приготовила ему жестокий урок.

Бой за подтверждение титула он проиграл - его подвела излишняя самоуверенность и несдержанность. Влад долго изучал технику соперника, и она казалась ему откровенно слабой, а потому он отнесся к нему, как к проходному. Легко выигрывая четыре раунда, в пятом, желая одержать быструю и красивую победу, он совершил непоправимую ошибку - раскрывшись, двинулся на противника, и тот левым свингом отправил Влада в нокдаун. Почувствовав, что чемпиона покидают силы, латиноамериканец стал избивать его, как мешок с опилками. Влад какой-то невероятной силой воли продержался до удара гонга, а потом обессиленный рухнул на настил.

«Король умер, да здравствует король!» - кричали заголовки газет на следующий день. Слава - капризная дама, и она не прощает неудачников. Имя, которое Вольский делал себе долгие годы, в один день превратилось в лопнувший мыльный пузырь. Он, так долго карабкавшийся на самый верх, вдруг оказался сброшенным на самое дно. Пресса писала, что он уже никогда не сможет подняться, а те, что вчера лебезили перед ним и услужливо подавали руку для приветствия, сегодня старательно отворачивали от него свое лицо.

Это был хороший урок...

Когда с лица сошли гематомы и синяки, Влад, выбравшись из своего номера в гостинице, брел по вечернему Нью-Йорку. Никогда не спящий город с его сумасшедшим ритмом жизни, бешеной пульсацией сердца из стекла и бетона, упирающимися в облака

небоскребами, яркими неоновыми вывесками и витринами всегда давал ему силы, но не в этот раз. Город пил его, выкручивал жилы, вырывал мышцы, сбивал с ног, город поставил его на колени и вынес на щите, безразлично, молча, безучастно наблюдая за его конвульсиями. Каменная утроба мегаполиса заглотила его, как наживку, и волочилась неподъемным грузом сзади. Бежать... хотелось бежать.

В этот же вечер он сел в самолет и отправился домой зализывать раны. Но провидению показалось недостаточным преподнесенного урока. Кто-то свыше хотел, чтобы он прочувствовал своим затылком всю тяжесть суровой длани судьбы.

Вернувшись в свою квартиру, он обнаружил у порога собранные чемоданы.

- Ты?! – Лиля явно не ожидала увидеть его в столь ранний час на пороге их дома.

Вот уже два года, как они жили вместе. Девушка работала моделью в крупнейшем столичном агентстве. Умная, высокая, красивая, целеустремленная, она знала, чего хочет от жизни, и Владу казалось, что у них были общие интересы и цели, им было по пути. Он даже собирался предложить ей выйти за него замуж.

- Что происходит?

- Я ухожу... - Лилиа болезненно поморщилась. - И давай без ненужных выяснений отношений и обид.

Унижаться он не собирался. Опершись о стенку, спокойно наблюдал за суетливыми движениями подруги.

- Я ведь могу забрать все твои подарки? Надеюсь, ты не станешь их требовать обратно?

Окинув девушку насмешливым взглядом, Влад, засунув руки в карманы, отправился на кухню, бросив через плечо:

- Там в моей сумке еще один. Можешь тоже забрать.

Звук захлопывающейся двери вывел его из оцепенения. Удивительно, но в тот миг он не испытывал ни боли, ни разочарования, у него было такое чувство, словно он один в целом мире, а вокруг лишь вакуум и пустота. Пустоту нужно было чем-то заполнить...

Заварив себе кофе он пошел в зал и включил телевизор. Журнальный столик был завален грудой журналов и газет. Взяв в руки одну из них, Влад криво усмехнулся. Так вот почему сбежала Лилиа. Крысы всегда бегут с тонущего корабля. Смысл всех статей на разворотах прессы заключался в одном: «железный титан» повержен и больше не сможет подняться.

Вакуум внезапно треснул, и пустоту стала заполнять злость. Алые всполохи гнева перемешивались с червленно-рубиновыми вкраплениями ярости, перетекали в пурпурные волны бешенства, лились рдяной рекой. В памяти всплыли строки понравившегося стихотворения:

*Я дерево на отшибе, огромна крона моя
Попробуйте, отыщите другое такое, как я.
Я гордое и упорное, я выживу всем назло.
В центре земли мои корни, и небо на плечи легло...*

И он выжил всем назло. Разорвав контракт с промоутерской компанией, Влад создал свою, набрал новую команду, лучшего тренера, и спустя полгода не просто вернул себе свой титул, но и добавил к нему новый. Он больше не давал ни малейшего шанса противнику на успех. Сколько их было - с кричащими заявлениями и утверждениями, что они будут первыми, что поставят его на колени, но на деле всегда получалось обратное. Собранный, сконцентрированный, мощный, неуклонно напористый, Влад укладывал их на полотно ринга

в первых же раундах. Теперь пресса писала другое: «пришел, увидел, победил - вот девиз «железного титана».

Никто не знал, каких нечеловеческих усилий порой требовало это стремление оставаться на высоте. Больше не было ошибок, больше не было поражений, и больше не было никого, кого бы он впустил в свою жизнь или сердце.

Она

Запах свежесваренного кофе густой патокой разливался в воздухе. Аня знала сто и один рецепт приготовления этого напитка. Андрей так любил по утрам сидеть с ней на кухне и просто болтать, сжимая в руках горячую дымящуюся чашку. Они всегда пили кофе под погоду и настроение. В серый пасмурный день - со щепоткой черного перца, для бодрости и остроты ощущений. Дождливым осенним утром - с имбирем и кардамоном. В зимние морозы душу согревал кофе с корицей и жгучим красным перцем, а на Рождество, расположившись на ковре у телевизора, они укутывались в плед, обнимались и, потягивая из высоких бокалов кофе по-ирландски, с каплей апельсинового ликера, смотрели добрые, старые фильмы.

Сегодня хотелось чего-то теплого и лучистого как Андрюшин взгляд. Аромат ванили и корицы окутал пряной сладостью, обнял за плечи, ласково погладил. Аня закрыла глаза, опершись спиной о каменную балюстраду лестницы, и отпила обжигающий горьковато-сладкий глоток.

Тонкие линии невидимого глазу эфира разомкнулись, выпуская знакомую фигуру.

- Посиди со мной, - не размыкая век, попросила она.

Призрачный сияющий образ нежно улыбнулся, усаживаясь рядом на ступеньку.

- Я так скучаю.

- Я тоже.

- Забери меня с собой, - кофейная горечь смешивается с подступившим к горлу комком, отпуская слезы в свободный путь.

- Не могу.

- Посмотри, как многого я добилась. Я так старалась. Я так хотела, чтобы ты мной гордился, - глупые слезы не хотят слушаться, они все бегут и бегут, а она так не хотела его расстраивать.

- Я горжусь тобой, любимая, - теплая рука касается щеки, и льющаяся из нее бесконечная любовь проникает сквозь кожу, сворачиваясь в сердце золотой спиралькой.

- Тогда почему я все еще здесь? Мои крылья теперь такие большие. Их силы хватит, чтобы полететь к вам. Разве ты не этого хотел?

- Я хотел, чтобы ты была счастлива, - грустная улыбка солнечными трещинками касается уголков его губ.

- Я не могу быть счастлива без вас. Я не хочу жить там, где нет тебя...

- Ты должна, Аня, - силуэт колышется и рваными клочьями расплывается в рассветной пелене утра.

- Почему? - вопрос без ответа повис над ней летающей паутинкой и, подхваченный весенним ветром растаял лимонно-желтым лучом на ее мокром от слез лице.

Ветер целует глаза, стирая повисшие на ресницах капли. Аня долго смотрит в пустоту цветущего сада. Яркие пятна люпина, синий ковер незабудок, качающиеся на тонких ножках анемоны, пьяняще сладкие ирисы, звездная россыпь шиловидного флокса... Сегодня пестрая нежность цветов не приносит обычного облегчения.

Цветы были единственным, что она себе позволила. Ни птиц, ни кошек, ни собак... Слишком больно было привязываться, а потом терять. Она так и не научилась смиренно принимать тяжесть груза планиды.

Квартиру она продала - живущие в ней тени прошлого тупыми ножницами кроили сердце, не давая затянуться кровоточащим ранам. Она все время натывалась на игрушки Темы, одежду, пахнущую Андреем, стены, хранящие светлые мгновения счастья, слышала смех и голоса тех, кого уже никогда не будет с ней рядом. Бизнес мужа она тоже продала. Сначала старательно пыталась тянуть две махины сразу: свое расширившееся модное ателье-студию и его процветающую фирму, но потом поняла, что просто ничего не понимает ни в насосах, ни в трубопроводной арматуре, ни в технических вопросах производства. Рано или поздно она угробила бы то, что создавал Андрей. А находиться в его кабинете для нее вообще было пыткой, она видела его повсюду: вот он стоит у окна, сложив на груди руки, и смотрит на кипящий жизнью внизу город, вот он сидит в кресле, подписывая бумаги, вот поднял голову и улыбается ей своей безмятежной улыбкой.

Фирму купил лучший друг и партнер Андрея и, зная, как Анна металась в сомнениях, продавая детище мужа, он периодически звонил и рассказывал, как у них идут дела, за что она была ему безумно благодарна. Все деньги от продажи бизнеса и квартиры она вложила в собственное дело. Неумоимо следуя поставленной цели, она, как одержимая, вставала в семь утра и ложилась поздней ночью. Одежда, на которую она заключила контракт с бутиками Нью-Йорка, разошлась на ура, и вдохновленная первыми успехами Аня стала работать с удвоенной силой над созданием собственного лейбла, открыв первый моно брендовый бутик в столице.

С этого времени она начала на постоянной основе выпускать сезонные коллекции класса *Pret-a-Porter*. Она любила экспериментировать, а ее излюбленным приемом стал ассиметричный крой. Первая же поездка на Неделью высокой моды во Францию стала для нее знаменательной и знаковой, на следующий день ее лучшая модель появилась на обложке журнала ELLE. О ней писали, как о прорыве года, говорили, что в ее стиле нет ничего лишнего и утяжеляющего, она умело перемешивает и сочетает классические формы с авангардом. Независимость, утонченность и элегантность – это отличительные черты неповторимого стиля Анны Закревской.

Спустя год Аня открыла свой первый бутик в Париже. За пять лет она построила головокружительную карьеру, добившись таких невероятных успехов, на которые многим, подобным ей, не хватало порой и всей жизни.

Казалась бы, сбывалось все, о чем она мечтала, но чем ярче сияла ее звезда, тем отчетливее в ее душе обреченно ширилось понимание того, что это все тлен, пыль и прах, если рядом нет тех, с кем она хотела бы разделить каждую минуту своего признания и славы.

Нет, рядом с ней всегда кто-то находился. Люди... их было вокруг теперь так много, но в этой пестрой толпе счастливых улыбающихся лиц она чувствовала себя такой потерянной и одинокой. Их эмоции и голоса разбивались о ее невидимые стены, словно шумные волны моря о серый гранит прибрежных скал. Она выстраивала эти стены каждый день - тонко, незримо, так, что никто и не подумал бы, что там, за безмятежной улыбкой и умиротворяющим спокойствием, бушует черный разрушительный шторм, утягивающий ее на дно, как накрытое девятым валом затерявшееся в океане суденышко.

Чтобы не плакать, она смеялась, никому не позволяя ее жалеть и лезть в израненную душу с ненужным состраданием и сочувствием, чтобы никто не мог понять и почувствовать раздирающую и выедающую ее изнутри боль. Внешне она всегда выглядела спокойной приветливой и... счастливой. И как умная, успешная и красивая женщина она не могла не

пользоваться вниманием мужчин. Яркий мир моды притягивал к себе их - богатых, красивых, знаменитых - как мотыльков на манящее обещанием света и тепла пламя. И они слетались к ней, кружа вокруг, ударяясь крыльями о лед ее застывшего сердца. Аня отвергала любые намеки на флирт и попытки приблизиться к ней ближе, чем на шаг, позволяющий нарушить ее личное пространство ненужными чувствами.

Однажды, покупая в Арабских Эмиратах ткани для новой коллекции, она стала предметом матримониальных поползновений местного шейха, случайно увидевшего ее в холле его шикарного отеля. Мужчина осаждал ее, как крепость. Он носился за ней по свету, посещая все ее показы, приглашал в рестораны, присылал корзины цветов, дарил подарки и драгоценности, которые, она раз за разом ему возвращала.

- Ты не веришь в любовь? - в сердцах поинтересовался он, когда Анна вернула ему очередную бархатную коробочку, даже не открыв и не взглянув на кольцо с огромным бриллиантом.

Его вопрос оскорбил Аню. Метнув на незадачливого поклонника гневный взгляд, она с достоинством ответила:

- Я верю в любовь, Али. Верю в любовь, которую невозможно купить ни за какое золото мира... Меня любили... с первого взгляда и до последнего вздоха. Только такую любовь признаю, только в такую верю. На меньшую не согласна.

Ее слова, услышанные журналистами, стали притчей во языцех, на следующий день они разрыли историю гибели семьи успешного модельера, и скандальные статьи, и ее полные горечи слова теперь красовались во всех модных изданиях.

Но все они уже не могли причинить Ане боль большую, чем та, что терзала ее изнутри каждый день вот уже пять долгих лет. Они лишь разбредили в памяти ее первую с Андреем встречу, и она со светлой улыбкой прокручивала в своей голове, словно пленку немого кино, самый счастливый день в своей жизни.

Аня поднималась по ступеням университетского общежития, и, выйдя из-за угла коридора, натолкнулась на парня, закрывавшего ключом дверь своей комнаты. Резко повернув голову, он уставился на нее своими синими глазами... Они так и стояли: молча, застыв песчинками во времени, в скрещении взглядов, не смея разомкнуть движением мгновение внезапного, снизошедшего на них волшебства. Словно кто-то свыше убрал все окружавшие их предметы, звуки, чувства, оставив только радость и осознание неизбежности и неотвратимости этой перевернувшей все с ног на голову встречи.

- Привет, - улыбнулся он.

Именно так - с первого взгляда, с первой улыбки, с первого слова - в Анину жизнь ворвалась любовь. Нежная, как теплые объятия весны, яркая, словно жаркий огненный цветок, безбрежная и бескрайняя, качающая ее на своих волнах, подобно ласковому океану - та, что теперь осколком разбитого зеркала жила в ее памяти.

Телефонный звонок вырвал Аню из омута поглотивших ее воспоминаний.

- Анюта, привет! Ты прости, что звоню так рано, но я знаю, что ты уже не спишь в такое время.

- Я действительно уже успела пробежаться и даже выпить кофе, - Аня лишь мягко улыбнулась тарахтящей на том конце трубки Лере. Их дружба началась год назад, когда Анне срочно нужно было взять коллекцию одежды в Милан, а у нее совершенно не было моделей, готовых продемонстрировать ее платья. Лерино агентство посоветовал один из столичных дизайнеров, и она ни разу не пожалела о том, что судьба свела ее доброй, веселой, никогда не унывающей подругой и партнером.

- Ты не забыла, что сегодня вечером мы ждем тебя у себя?

- Нет, не забыла, - выдохнула Аня, понуро опустив голову. Она не любила ходить в гости, но отказать Валерии не могла - у ее дочери сегодня был день рождения. Семилетняя Соня мечтала стать модельером и боготворила Аню, повторяя ее слова, жесты, мимику. Упрямый ребенок заставлял Леру чуть ли не каждый день привозить ее в Анин Дом моды, и там любопытная девчонка сновала за Анной по пятам, суя свой маленький нос во все процессы ведения бизнеса, и иногда доводя ее до приступов истерического смеха своими вопросами: «А где? А зачем? А почему?».

- Сонька тебя ждет, ты же знаешь, как она расстроится, если тебя не будет. Она на тебя разве что не молится еще, - Лера, очевидно, боялась, что Аня в последний момент придет с водителем подарок, а сама, сославшись на занятость или плохое самочувствие, не придет. Аня часто делала так с другими, но с девочкой так поступить не могла, Соня была единственным человеком в этом мире, которому она, по странным причинам, ни в чем не могла отказать. Аня много размышляла над тем, почему малышка обладает над ней такой властью, и где-то в глубине души понимала, что она ей чем-то напоминает Тему, а может просто потому, что они с Андреем тоже мечтали о дочке, а эта конкретная была воплощением той мечты, которой уже никогда не суждено было сбыться.

- Я приеду, Лера, ты зря волнуешься, - Аня взяла со ступеньки чашку и, поднявшись, медленно пошла в дом. - Ни за что не пропустила бы момента, когда твоя дочь станет разворачивать мой подарок. Я платье для нее еще месяц назад приготовила.

- Ну, все,- рассмеялась подруга. - Я теперь с нее это платье и не сниму, она же в нем спать будет! Платье от Закревской! С ума сойти, да Сонька у тебя VIP клиент! Ань, это же дорого очень. Зачем ты ее так балуешь?

- Твоя Соня натолкнула меня на мысль сделать линию одежды для подростков, так что она заслужила.

Закончив разговаривать с подругой, Анна привела себя в порядок и, взяв коробку с подарком для Сони, поехала на работу.

Раньше она ни за что в жизни не села бы за руль автомобиля - Аня боялась водить, близость других машин приводила ее в состояние, близкое к панике. Андрей всегда посмеивался над ее детскими страхами и с удовольствием возил ее сам, или просил водителя. Теперь Аня ездила на своей Хонде, не испытывая лишних эмоций и предубеждений. Конкретно этот внедорожник ее заставила купить мама из соображений безопасности, она как никто другой понимала, чем вызвана такая внезапная перемена в отношении к автомобилям у дочери. Она боялась, что ее девочка отчаянно ищет смерти, и, посоветовавшись со специалистами, выяснила, что именно у этой марки самая большая вероятность выживания при авариях. Аня и вправду вначале села за руль в надежде, что однажды въедет в столб или дерево, и искореженная груда металла поможет ей, наконец, обрести покой и забвение. Но со временем вождение стало нравиться ей так же, как и утренний бег. Постоянное движение вперед, ускользающая полоска дороги и скорость, бьющая ветром в лобовое стекло, дарили умиротворение и тихий, светлый восторг.

Радиостанция в приемнике весело вещала какие-то байки, и на какое-то время Аня даже смогла забыть, что через два дня годовщина гибели ее мальчиков. В эти дни она особенно остро ощущала невосполнимую боль потери и гнетущую пустоту, заполнявшую все ее нутро, до самого доньшка Она всегда бежала от себя в этот день, забивалась неприметной мышью в самый дальний угол какой-нибудь норы, и смиренно ждала, когда боль утихнет и отпустит ее из своей стальной хватки. У нее ведь даже не было места, куда бы она могла прийти поплакать и положить цветы. Тел погибших, как и сам самолет, так и не нашли в океане.

В этот раз Аня собиралась сбежать в Австрию. Для ее новой коллекции нужна была

обувь, и она вела переговоры с Питером Пилотто о сотрудничестве. Дизайнер предложил ей приехать и показать свои эскизы, чтобы он знал, от чего отталкиваться в создании его линии. Ей так необходимо было быть подальше от места, где все напоминало о безвременной утрате. Чужая страна, чужие люди вокруг, другая обстановка ненадолго дарили иллюзорное ощущение облегчения, но лишь ненадолго, а потом Аня закрывалась в своем номере в отеле и тихонько выла до утра, пока с рассветом не приходил светлый Андрюшин образ и тьма не отпускала ее из своих удушающих объятий.

У Лериного брата в пригороде Вены был свой дом, и Лерка неделю уговаривала Аню остановиться там. Она заливалась трелью, описывая прекрасный вид на Дунай, тихий зеленый район и огромный пустой дом, где никто не будет шуметь и мешать ей творить. Если бы Лера знала, что творить в эти дни не просто сложно, а физически невозможно - это все равно, что играть на скрипке с переломанными пальцам, но ей действительно так нужна была тишина и спасительный полог забвения, что она согласилась.

День прошел в привычной для нее суматохе: бесконечно звонящий телефон, мастерская, в которой Аня со своими помощницами конструировала лекало новых моделей, встречи с клиентами, стопки бумаг и счетов, ругань с таможеней за то, что задержали ее новые привезенные образцы тканей. Люди...голоса...звонки... снова люди... снова звонки... Аня погружалась в работу с головой, как рыба в воду, и она помогала ей убить ненавистный день, забыть обо всем и просто жить, не оглядываясь на прошлое. Работа стала ее спасением, ее глотком воздуха, ее единственной отдушиной. Наверное поэтому она так много добилась в своем деле - потому что отдавала ему всю себя без остатка, все свои силы, все свое время, всю свою нестраченную любовь.

Сигнал будильника напомнил о том, что пора собираться и ехать к Лере. Аня попрощалась с сотрудниками, взяла букет и воздушные шары, которые ей привезли по заказу. Она всегда дарила Артему на дни рождения огромную связку шаров, это было своего рода традицией - они с Андреем надували их ночью, чтобы Темка не видел, а утром, просыпаясь, он весело гонял их по всей квартире, вызывая у родителей счастливую улыбку.

- Анна Ивановна, вы долго там пробудете? Можно я смотаюсь в магазин, пока вас ждать буду? Жена просила хлеба и молока купить.

Аня знала, что за столом придется выпить, а в таком состоянии она за руль никогда не садилась, понимая, что может представлять опасность для других автолюбителей, поэтому и взяла на вечер водителя.

- Конечно, Николай, вы можете даже домой заехать. Вернетесь за мной через два часа. Зачем вам все это время торчать под подъездом? Тем более что завтра с утра нам ехать в аэропорт, - она всегда очень чутко относилась к чужим жизненным обстоятельствам и проблемам, семья для нее всегда была на первом месте.

- Спасибо, вы лучший босс, который у меня когда-либо был.

- Не преувеличивайте, Коля, я ничем от других не отличаюсь.

- Нет, правда, я до вас одного бизнесмена возил, так он мог меня по четыре-пять часов заставлять ждать его на одном месте. И главное если бы по делу, а то поедет к любовнице, а я на подстраховке, вдруг жена позвонит и срочно ехать нужно будет. Потому и уволился, противно это все.

Аня задумчиво уставилась в окно, пропуская сквозь себя картинку проплывающего за стеклом вечернего города. Андрей всегда спешил домой, звонил ей по сто раз на день, и даже если у него было важное совещание, всегда отвечал на ее звонки, полагая, что ничего не может быть первостепенней, чем разговор с ней. Ей так не хватало его...его мудрых слов, светлой улыбки, сильных рук... она мерзла по ночам без его утешающего тепла и нежных

прикосновений.

Тяжело вздохнув, Анна натянула на себя привычную маску – улыбку, за которой пряталась от всего мира. Она не собиралась портить ребенку праздник своим невеселым настроением.

Сонька с порога налетела на нее, как ураган, визжа от восторга и по-детски наивно радуясь куче шариков, цветам и огромной коробке с фирменным логотипом Анны Закревской. Светлая детская радость вдруг передалась и Ане, и она с улыбкой наблюдала, как девочка дефилирует по квартире в ее подарке, восхищенно рассказывая всем родственникам, как это круто и модно. Потом она притащила свой альбом с набросками рисунков, немного корявых и смешных, и, несомненно, талантливых. Соня пыталась создать свою коллекцию одежды, и пусть пока она тренировалась на куклах, но это была ее первая серьезная попытка воплотить в жизнь свою мечту. Ане были так понятны стремления девочки, и она никогда не отказывала ей в помощи или совете, всегда поправляя своей умелой рукой неточности и шероховатости в ее эскизах.

- Тетя Аня, а как вы думаете, это пойдет к вашему платью? – Соня открыла красивую бархатную коробочку, выволакивая оттуда золотые часы марки Chanel.

Аня улыбнулась, взяв в руки дорогой аксессуар.

- Шанель, я думаю, пойдет любой девушке и женщине. Родители подарили тебе очень красивый подарок.

- Это не родители, это дядя Владик прислал, - Аня сразу и не сообразила о каком Владике идет речь, а когда поняла, что это Лерин брат - боксер-тяжеловес Влад Вольский, очень удивилась.

- У твоего дяди хороший вкус, как для боксера.

- Он вообще очень хороший, - радостно начала девочка. – Жаль, что он не смог приехать, я бы вас с ним познакомила. Он бы вам понравился. Он всем женщинам нравится.

Аня рассмеялась наивному утверждению ребенка. Ей не нравились такие мужчины, хотя она понимала, что находят в них другие. Испокон веков женщины выбирали себе сильного спутника, воина, способного защитить семью и дом в случае нападения, и эти инстинкты жили в них на подсознательном уровне. Как только такой индивид оказывался в поле зрения, его феромоны тут же запускали генетическую память слабого пола, делая его невероятно притягательным и вожаком объектом.

Для Ани же такие внешние данные, как у Лериного брата, служили скорее больше отталкивающим фактором, чем притягивающим. В нем всего было слишком много. Слишком большой, слишком сильный, слишком самоуверенный, слишком красивый. Она вообще не понимала, как такие интеллигентные и образованные родители, вроде Виктора Петровича и Елены Сергеевны, могли поощрять то, что их сын занимается боксом. Этот вид спорта ей казался ужасным и диким. И ей было непонятно, как люди находят удовлетворение в созерцании мордобоя и драки?

А самым непонятным для нее были дипломы Владислава Вольского, висевшие в рамочках не стене: об окончании университета с отличием, о получении степени кандидата и доктора физико-математических наук. Это был нонсенс, и Аня все гадала, купил он все эти дипломы, или получил заслужено. Но судя по тому, как гордилась им семья, скорее всего дипломы были настоящими. У них он вообще, похоже, возносился в ранг культа и идола, его фотографиями дом был буквально напичкан. Серые, цвета грозового неба глаза смотрели на нее со всех стен, полок и комодов, тонко намекая о его незримом присутствии. Даже сейчас, сидя за столом на дне рождения Сони, семья без конца вспоминала о нем, сначала возмущаясь, что погода задержала его вылет, и он не смог приехать, а потом журуя за то, что так долго ходит в холостяках и никак не остепенится.

- Это все ты виноват, Витя, - возмущалась Елена Сергеевна. – Это ты ему вбил в голову, что мужчина должен сначала крепко встать на ноги, а потом создавать семью.

- И что я неправильного сказал? – удивился Виктор Петрович.

- А чего же ты женился на мне, будучи нищим студентом?

- Так тогда все так женились. Время такое было.

- Нормальное время было, - не унималась тетя Лена. – А с вашим временем я внуков никогда от него не дожусь. Он, похоже, совсем жениться не собирается.

- И правильно делает, - вдруг встряла в разговор Аня, и на нее тут же уставились пять пар недоуменных глаз. – Значит, не нашел еще ту единственную, которая будет любить его просто за то, что он есть, – тихо пояснила она.

В комнате повисла напряженная тишина, потом все как-то виновато застучали вилками по тарелкам, опуская головы. Анне стало неловко за свой нелепый выпад. И с чего она вдруг решила заступиться за этого здоровяка? Да он вообще ни в чьем заступничестве не нуждался. Просто то, о чем говорили за столом, шло в разрез с ее внутренним ощущением мира, наверно поэтому она и не выдержала. Она верила, что браки заключаются на небесах, раз и на всю жизнь, и нельзя принимать такое серьезное решение просто потому, что так надо. Для брака люди должны относиться друг к другу так, как это делали они с Андреем.

И хотя дальше все оживились и стали говорить о чем-то отстраненном и ненавязчивом, Ане казалось, что вечер безнадежно испорчен, и виновата в этом она. Все в Лериной семье знали о ее трагедии, и теперь Ане за их короткими взглядами мерещилось утливое сочувствие и жалость. Она не любила, когда ее жалеют.

Вечер в кругу чужой семьи разбредил в ее душе затянувшиеся раны и, вернувшись домой, она так и не смогла заснуть: до утра бродила по пустому дому, переставляя вещи с места на место, чтобы занять себя хоть чем-то. А утром, когда села в самолет, свободно вздохнула. Рядом с чужими, ничего не знающими о ней людьми, которым не было до нее никакого дела, под гудящий шум работающих двигателей, она смогла, наконец, пару часов спокойно поспать.

Он

Влад добрался до дома ранним утром. После длинных перелетов ему всегда хотелось размять ноги, и теперь, закинув на плечо сумку, он пешком поднимался на пятнадцатый этаж. Эту двухъярусную квартиру он купил маме с папой два года назад, и хотя все документы были оформлены на отца, родители упрямо считали, что она принадлежит сыну, очень обижаясь, если он забывал ключи. Им не нравилось, что он звонил в двери, как гость, а не как хозяин. Так повелось, что все праздники и он, и Лерка всегда отмечали у родителей, вот и сейчас на день рождения племянницы вся семья собралась здесь, несмотря на то, что у сестры с мужем была своя квартира в доме на соседней улице. Погодные условия заставили вылететь его на день позже, но он был уверен, что никто не разошелся, и ночевать все остались здесь, ожидая его появления. Осторожно, чтобы никого не разбудить, открыв дверь, он вошел в холл. Оглушительный визг и повисшие на нем одновременно мама, сестра и племянница заставили усомниться в том, что он поднимался по лестнице всего семь минут.

- Вы хоть спали, или всю ночь меня караулили? – целуя поочередно самых родных и любимых женщин на свете поинтересовался он.

- Я будильник поставила, - ласково погладила его по щеке мама. – Какой же ты, сынок...

- Какой? – вопрошающе выгнув бровь улыбнулся Влад.

- Взрослый, сынок. Взрослый, - уткнувшись лицом в его грудь, прошептала она.

- Ма, ты меня всего неделю не видела, а так говоришь, словно я отсутствовал дома целую вечность.

- А для мамы неделя и кажется вечностью. Вот будут у тебя свои дети, поймешь.

Влад вздохнул и приготовился к моральному штурму. Каждый раз, когда он приезжал домой, мама «тонко» намекала, что он «засиделся в девках».

- А кормить меня в этом доме будут? – попытался он съехать с любимой маминной темы, зная, что «покормить голодного сына» - это ее вторая тема, и причем самая главная.

Как и ожидалось, мама, тут же всплеснув руками, помчалась на кухню, а он, подхватив Соню и обняв сестру, отправился следом. Пока женщины суетились, накрывая на стол, сверху спустились отец и Леркин муж, и вот теперь вся семья была в сборе.

Влад любил такие моменты, всем сердцем ощущая согревающее душу тепло родного дома. Веселая возня, звон посуды, звуки милых сердцу голосов, запах знакомых с детства блюд - все это было той волшебной составляющей крепкого коктейля семейных уз, ради которого он всегда возвращался домой. Он обожал общаться с семьей, сидя за огромным столом и неспешно поглощая мамину стряпню. В скольких бы странах он ни бывал, какие бы экзотические блюда ни пробовал, мамина еда все равно оставалась самой вкусной и любимой.

- Мам, и как ты умудряешься так вкусно готовить? - спросил он, запихивая в рот очередную котлету. – Ничего вкуснее нигде не пробовал.

- Жениться тебе, сынок, надо.

- Ма, ты опять? Ну не начинай, пожалуйста.

- Что не начинай? Вот женился бы, и жена б тебе не хуже меня готовила.

- Точно! И как я раньше-то не додумался? Не на тех я смотрю. Все, буду искать жену повариху, - Влад хитро переглянулся с отцом и зятем, и те, посмеиваясь, опустили носы в тарелки.

Мама укоризненно покачала головой, а потом, в сердцах махнув на сына рукой, налила себе стопочку коньяка.

- Ма, ну чего ты так расстраиваешься. Да женюсь я...когда-нибудь.

- Вот именно. Когда-нибудь,- вздохнула Елена Сергеевна. – Я этого когда-нибудь наверное уже не дождусь.

- А тетя Аня сказала, что ты правильно делаешь, что не женишься. Значит, ты еще не нашел ту, что будет тебя любить просто за то, что ты есть, - весело сообщила Соня, залезая к дяде на колени.

- Вот, - Влад весело подмигнул сестре и поцеловал племянницу в макушку. - Устами младенца, как говорится... А тетя Аня у нас, кстати, кто? – он не ожидал услышать такие слова от маленького ребенка. Она озвучила то, из- за чего он действительно до сих пор так и не создал семью.

Нельзя сказать, что он вел аскетический образ жизни, нет, женщины в ней присутствовали, и с некоторыми он даже жил довольно долгое время. Он всегда выбирал высоких, красивых, состоявшихся, тех, с кем было легко, удобно и просто. И все вроде бы шло красиво и гладко до тех пор, пока он не начинал понимать, что они хотят от него чего-то большего, чем просто совместного проживания. Он не знал, то ли он не готов предложить им это большее, то ли они не в состоянии дать ему то, что он так отчаянно искал в каждой из них. Сколько себя ни спрашивал, Влад никак не мог сформулировать, чего же на самом деле он ждал от той, с кем бы действительно хотел связать свою судьбу, и вот теперь посторонний человек совершенно точно обозначил его жизненные приоритеты.

- Тетя Аня - известный кутюрье, - гордо задрал нос объявила Соня.

- Так уж и известный? – недоверчиво округлил глаза Влад, обняв племянницу.

- Конечно, известный, - убедительно закивала головой мама. - Анечка Закревская. Неужели ты не знаешь?

Влад нахмурился, смутно припоминая, что это имя он уже слышал. Вроде бы одна из манекенщиц, с которой он встречался, даже спрашивала - не знаком ли он со своей талантливой соотечественницей.

- Мама, я тебя умоляю. Его больше модели интересуют, чем модельеры, - фыркнула Лера.

- Ну, тебя же они тоже интересуют больше чем модельеры, - с улыбкой парировал Влад, хотя понимал, что сестра права: он часто посещал модные показы, но в основном из-за красивых девушек, дефилирующих по подиуму.

- Меня они по долгу службы интересуют, - обиделась сестра. - А не как объект приятного времяпрепровождения.

В этот момент примчалась незаметно улизнувшая племянница, одетая в совершенно фантастическое платье замысловатого ассиметричного кроя. Вещь явно была брендовой, в таких тонкостях Влад хорошо разбирался.

- Сонька, отпадное платье, - восхитился он. - И кого ты на него разорила, маму или бабушку?

- Это тетя Аня пошила, - девочка радостно крутанулась вокруг своей оси, одарив его счастливой улыбкой.

- Опять тетя Аня? Что-то ее последнее время слишком много. Никому не кажется?

- Это у нас больная тема, - усмехнулась сестра. - Мы мечтаем стать известным модельером. А тетя Аня у нас что-то наподобие идола для поклонения.

Сонька, подбежав к Владу, схватила его за руку и стала куда-то тащить.

- Пойдем, я тебе еще что-то покажу.

- Владик, ты только не пугайся, там тебя целая толпа разряженных женщин поджидает, - засмеялась в ответ на вопросительный взгляд брата Лера. - Правда они все не настоящие.

- Резиновые, что ли? - весело хмыкнул Влад, и тут же получил от сестры салфеткой по спине.

- Фу, какой ты! Кукольные, - пояснила она. - У нас все модели - куклы.

- А-а-а, - потянул Влад и подмигнул племяннице. - Ну, пойдем. Смотреть твоих кукол.

Но Соня явно собиралась показать ему что-то другое, потому что затащив его в свою комнату и усадив на диван, она вынула из стола целую стопку журналов.

- Вот, смотри, - с какой-то затаенной гордостью девочка плюхнула ему на колени кипу прессы.

- И что я тут должен увидеть? - Влад пролистал типично женское чтиво, силясь понять, что же такого интересного нашла в нем племянница.

- Ну куда ты смотришь? - возмущенно свела бровки Соня и, закрыв журнал, ткнула пальчиком в изображение на главной странице. - Это тетя Аня. Правда, красивая?

Женщина, смотревшая на него с обложки глянца, действительно была красивой, но не той безупречно утонченной красотой фотомоделей, являющейся эталонной в мире моды. В ней было что-то неуловимо-таинственное, скрывающееся в уголках еле заметной улыбки, как у знаменитой Джоконды. Эта женщина выглядела какой-то невероятно настоящей и естественной, с тонкими лучиками морщинок в уголках глаз, которые она, очевидно, не позволила ретушировать фотографу, с вьющимися темно-каштановыми волосами, обрамлявшими нежный овал лица, и огромными карими глазами, из глубины которых шел мягкий, завораживающий взгляд, свет.

- Красивая, - согласился Влад, не зная, кому приписывать лавры за это достоинство - фотографу, сделавшему удачный снимок, или владелице совершенно потрясающих глаз. Пролистав еще парочку журналов он понял, что фотограф тут ни при чем - в разных ракурсах женщина выглядела одинаково привлекательно. Правда, с глазами он ошибся, на более крупных фотографиях они были какого-то сложного цвета, словно в темную зелень добавили несколько капель жженого сахара. Он вдруг позавидовал ее мужчине, подумав, что тому несказанно повезло: такая, как она, точно любит своего мужа просто за то, что он есть. Сказанная ею фраза никак не хотела уходить из его головы.

- Хочешь, я тебя с ней познакомлю? - видя, как внимательно дядя рассматривает фотографии ее кумира, поинтересовалась Соня.

- Зачем? - искренне удивился он.

- Ну, к тебе же пристают все время, чтобы ты женился. Ты женись на тете Ане, и от тебя сразу отстанут.

- А разве у нее нет мужа?

- У нее погибли все, - грустно пожала плечами девочка. - И муж, и сын.

Влад пристально вгляделся в женское лицо, смотревшее на него с разномастных обложек, и вдруг понял, что она прячет за своей таинственной улыбкой - боль. Эта хрупкая и красивая женщина скрывала за своей безмятежностью боль, слезы и горе. Она улыбалась просто чтобы не плакать.

- Грустная история, - вздохнул он, отложив в сторону журналы и прижав племянницу к себе.

- Так ты женишься на ней? - не унималась Соня. - Она же тебе понравилась, я видела.

- Боюсь, малышка, я ей не понравлюсь, - погладил по голове девочку Влад.

- Почему?

- Не выдержу конкуренцию с призраками прошлого.

- Это как? - удивилась она.

- Все сложно, Сонька, подрастешь - поймешь, - прошептал Влад.

- Это вы, взрослые, все усложняете, - обиженно вывернулась из его рук Соня. - А все ведь просто: нравится тебе человек - женись.

Влад рассмеялся наивной детской логике. Если бы в жизни было все так просто! Хотя в одном она была права: женщина с обложек ему действительно понравилась.

Весь день Влад провел в своем офисе, его промоутерская компания успешно продвигала нескольких молодых бойцов на профессиональном ринге, и в следующем месяце должны были состояться их первые бои. Бумаг и организационных вопросов за неделю его отсутствия скопилось целая уйма, плюс завтра его ждали в Мангейме, где он должен был подписать контракт на проведение поединков своих подопечных на САП-Арене.

Влад никогда не переставал радоваться тому, как прогресс упрощает жизнь человека. В любую точку мира самолетом можно было добраться в рекордно короткие сроки. Из Германии в Австрию было два часа пути, и он рассчитывал успеть к вечеру вернуться в свой дом в Вене.

Гостиничные номера всегда нагоняли на него тоску, несмотря на то, что к нему как к знаменитости всегда было повышенное внимание персонала. Но наверное именно это и раздражало: будучи человеком публичным ему иногда так хотелось тишины и отсутствия посторонних лиц, вечно нарушавших его личное пространство. Дом в Вене находился в тихом пригородном районе, он купил его одновременно с фабрикой по производству спортивного питания, это было очень удобно, учитывая то, что по делам бизнеса посещать главный офис приходилось довольно часто. За домом смотрела милая женщина по имени Ханна, которая в

его отсутствие следила за чистотой и порядком, а когда он приезжал, еще и готовила. Влад специально не стал говорить маме, что он из Германии полетит к себе, зная, что она обязательно позвонит домохозяйке, а та на ночь глядя примчится с пакетами продуктов, и будет весь вечер досаждать ему своей болтовней.

На следующее утро мама сокрушалась, что он опять куда-то уезжает, хотя вернуться обратно он собирался через два дня. Он привык к такому сумасшедшему ритму жизни и порой даже не представлял, как можно жить иначе. Влад считал себя гражданином мира, сегодня его ждал Нью-Йорк или Майами, завтра Париж и Берлин, а послезавтра он мог сорваться в Токио или Квебек. И теперь, когда после тяжелого дня переговоров самолет приземлялся в аэропорту Вены, он чувствовал себя уставшим, но счастливым. Такси отвезло его на парковку и, забрав свой автомобиль, он, включив музыку, мчался по вечернему городу, расцвеченному желтыми пятнами фонарей и ярким неоном рекламных вывесок.

Подъехав к дому, он очень удивился, когда обнаружил, что в окнах на первом этаже горит свет. Ханна была очень щепетильной, и никогда не забывала о таких мелочах, как выключить воду или погасить свет. Неужели она находилась в доме в такой поздний час? Влад в сердцах выругался: он надеялся сразу после душа завалиться спать, а теперь придется ждать, пока добродушная домработница, наговорившись с ним вволю, не отправится к себе домой.

- Ханна? – Влад прошел через холл на кухню и, никого не обнаружив, решил подняться на второй этаж.

Он не успел сделать и пары шагов, как услышал, что кто-то идет вниз. Влад поднял голову и замер на полувздохе.

По лестнице спускалась женщина, вероятно, она только что приняла душ, и теперь, набросив на голову полотенце, неспешно промокивала им длинные влажные пряди. Босая, в короткой, едва достигающей до середины бедра, облегающей тело кружевной сорочке, сквозь которую просвечивалось восхитительное, обнаженное тело, она казалась фата-морганой, материализовавшейся из призрачной пустоты надвигающегося ночи.

Женщина не была похожа на тех, что ему нравились, вернее совсем не похожа, у нее не было ни модельной внешности, ни длинных ног, ни узких бедер и торчащих ключиц. Она была такая мягкая, нежная, уютная, сотканная вся из плавных и округлых линий. Такой, вероятно, и задумывал Господь создать женщину - привлекательной и притягательной, словно грех. Чтобы глядя на нее у мужчины всегда возникало желание спрятать лицо в гладкости ее манящих белизной плеч, утонуть в бархатной женственности ее изгибов и впадинок, вкусить ее запретного плода и раствориться в ее бесконечном, как вселенная, таинстве. Эта женщина отчего-то казалась ему такой удобной и привычно родной, как плюшевый медведь, с которым он любил засыпать в детстве, обняв его руками и ногами, уткнувшись носом в мягкость его пушистого тела.

Женщина, между тем, завершив вытирать волосы, убрала от лица полотенце, подняв на него свои невероятные глаза, и Влад застыл, словно загипнотизированный, в их мерцающей странными всполохами глубине. Обалдеть, это была та самая...с обложек Сонькиных журналов!

- Отвернитесь, - она не вскрикнула, не вздрогнула, на лице не промелькнуло ни одной эмоции, голос звучал ровно и спокойно, и только глаза смотрели на него с осуждением и немой укоризной. Влад почувствовал себя преступником, покусившимся на святыню. Низменным прокаженным, дотронувшимся грязной рукой до девственной чистоты.

«Боже, какие глаза», - думал он, поворачиваясь к ней спиной.

Легкий шелест шагов, поднимающихся вверх по лестнице, светлым минором зазвучал в его ушах, и он еще несколько минут стоял, прислушиваясь к неясным шорохам,

растворяющимся в вязкой темноте его дома.

Выйдя из странного состояния анабиоза он направился вниз, с изумлением обнаружив, что он возбужден. Черт... у него встал!? Вероятно, сказывалось долгое отсутствие у него женщины, а эта была такой... В конце концов, ведь он нормальный, здоровый мужик. Что тут такого? Влад пытался оправдаться перед своей внезапно проснувшейся совестью, но у него не очень хорошо это получалось, отчего-то стало стыдно от мысли, что Лерина подруга заметила его выходящее за рамки приличия состояние.

Он зашел на кухню, достал из холодильника бутылку с водой и залпом осушил ее до дна, потом изумленно уставился на забитые продуктами полки. В прозрачном лотке лежали сложенные аккуратными конвертиками блины, в кастрюле, судя по всему, находился суп или борщ, еще в одной емкости - куски мяса, залитого каким-то маринадом, рядом лежали пучки салатов, пакеты с овощами, сыр и бутылка вина. Похоже, его незваная гостья собиралась устроить банкет.

...Интересно, кого она ждала? Мужчину? Занятно.

Усмехнувшись собственным мыслям, Влад пошел в зал и, усевшись на диване, стал ждать, когда же женщина спустится и попытается объяснить ему свое присутствие в доме. Его ожидания оправдались довольно быстро. Спустя полчаса на лестнице послышались шаги и он, забросив ногу на ногу, с улыбкой приготовился выслушать извинительный монолог. Улыбка съехала с лица мгновенно, когда Влад увидел чемодан, который женщина аккуратно спускала вниз по ступеням.

Спокойная, собранная, с еще слегка влажными волосами, затянутыми в узел на затылке, одетая в темные зауженные брюки и белоснежную блузу, она больше походила на строгую школьную учительницу, чем на известного модельера. Она наклонилась, опуская сумку на пол, и длинная прядь волос, выбившись из пучка, мягким завитком легла ей на щеку. ...Красиво. Женщина подняла на него свои огромные глаза, и Влад снова потерялся во времени, жадно всматриваясь в ее лицо в ярком свете ламп. Опять все то же безмятежное спокойствие и умиротворяющая легкость. Как ей удастся так умело скрывать все свои эмоции?

- Я хотела попросить у вас прощения за свое вторжение, - тихий и спокойный голос мягко ударился о повисшую в воздухе тишину, и как тягучие капли меда потек по стенам. - Лера уверяла, что дом пустует, в противном случае я бы ни за что не согласилась здесь остановиться. Я сейчас вызову такси и уеду в гостиницу. Еще раз приношу извинения за причиненные неудобства.

Он зачарованно смотрел, как узкая изящная ладонь протягивает ему ключи. Женщина быстро направилась к выходу, и Влад, наконец, вышел из ступора.

- Подождите, - он дернулся ей наперерез, перекрывая путь.

Удивленно взметнувшаяся бровь - и снова непроницаемая мгла этих невозможных глаз... Просто наваждение какое-то. Кажется, он что-то собирался ей сказать, а теперь стоит и, как болван, наблюдает за малейшими изменениями мимики на ее лице.

Нижняя губа слегка дрогнула... пухлая, мягкая... Возникло странное желание дотронуться... На лбу на мгновение пролегла тоненькая черточка, взмах черных ресниц и - снова эти глаза... Влажные, глубокие, утонуть можно.

...Черт! Да что же это такое?

- Это вы меня простите, - Влад неровно выдыхает воздух, собираясь с мыслями. - Я не должен был быть здесь сегодня. Это случайность, - а вот теперь, кажется, ему удалось ее удивить... Нахмурилась. В глазах вопрос.

- Это ведь ваш дом. Зачем вы извиняетесь? Это я нарушила ваш покой. Мне правда очень неловко, - женщина сочувливо пожимает тонкими плечами, и в их хрупкой ранимости

отчетливо проскальзывает какая-то трогательная детская уязвимость. – В любом случае я уже ухожу.

Она снова пытается пройти вперед, а он снова стеной становится на ее пути.

- Останьтесь.

И опять этот пронзительный взгляд, иглами-ресницами пришивает его к себе

...Невозможно оторваться...магия какая-то.

- Это исключено, - в голосе зазвучали твердые, жесткие нотки, и Влад вдруг понял, что за этой видимой хрупкостью тоненьких плеч скрывается крепкий стальной стержень, согнуть и сломать который не под силу даже ему. Эта похожая на фарфоровую статуэтку женщина слабой была только снаружи. И как же уговорить такую остаться?

- Послушайте, ночь на улице, куда вы пойдете? – Влад быстро наклоняется, перехватывая ручку ее чемодана, случайно дотрагиваясь до тонких пальцев, и от этого прикосновения его словно током прошибает.

- Я найду гостиницу, - она настойчиво дергает ручку на себя.

- Ближайшая гостиница в Вене, и я не уверен, что там есть свободные номера в такое время.

- И все же я попытаюсь, - она закусывает губу и, кажется, нервничает, тщетно пытаясь вырвать у него из рук свои вещи.

...Глупенькая, нашла с кем тягаться...

- Хорошо, - вдруг соглашается Влад, и она растерянно отпускает руку. – Тогда я поеду с вами.

- Зачем? – большие глаза вдруг становятся огромными и какими-то наивно-удивленными, как у мультяшного олененка.

- Как зачем? Тоже сниму себе номер. Или вы полагаете, я смогу заснуть в этом доме, зная, что несколько минут назад выгнал из него на улицу беззащитную женщину? Вы за кого меня принимаете?

Она недоуменно моргает и неуклюже делает шаг назад, зацепляясь каблуком за выступающий порожек. Молниеносно отбросив чемодан, Влад успевает ее подхватить и прижать к себе, чувствуя, как испуганной птицей бьется, ударяясь о его грудь, ее маленькое сердце. Аромат женщины, как дурман, опутывает его своим шлейфом.

От нее пахло детством: пломбиром, клубникой, и еще чем-то...неповторимым... захотелось уткнуться носом и стоять так, наполняя себя ее запахом. Она вскидывает голову, и теперь ее глаза так близко, что он может разглядеть каемочку в форме звездочки в их радужке.

...Невероятные глаза...все...пропал...утонул в них.

- Пустите, - она упирается в него руками, он нехотя отпускает, потом, засовывая руки в карманы, сжимая их в кулаки, чтобы сохранить еще на мгновение растекающееся по пальцам тепло от ошеломляющего прикосновения к ней.

- Оставляйтесь, дом огромный. Вы мне совершенно не мешаете. Я все равно завтра собирался уехать. Но если вы не останетесь, мне придется уехать сегодня.

- Вы что, меня шантажируете? – в ее голосе снова появляются свинцовые интонации, но от строгости ее взгляда отчего-то хочется улыбаться.

- Пытаюсь, - виновато соглашается он. – Но у меня это плохо получается, - глупая улыбка все же предательски ползет из углов его губ.

- Зачем?

- Не знаю, как уговорить вас остаться. Я устал жутко. Не хотелось бы бегать за вами по Вене всю ночь, - Влад пристально вглядывается в ее лицо, понимая, что там, за видимым спокойствием, идет упорная внутренняя борьба.

Она вдруг тяжело вздыхает - длинно, глубоко, протяжно, словно на пределе своих сил.

- Извините. Похоже, мне все-таки удалось испортить вам вечер.

...Все...сдалась...чистая победа.

Как же хочется облегченно выдохнуть, но он лишь с силой стискивает зубы, чтобы не выдать себя.

- У вас еще есть возможность все исправить, - Влад дружелюбно улыбается, чтобы его слова не выглядели откровенной наглостью.

- Какая? - изящная бровь выгибается удивленным зигзагом, легкий наклон головы, все та же безмятежность на лице, и только тонкая бьющаяся жилка на шее выдает ее напряжение.

- Поужинайте со мной. Тут недалеко есть ресторан.

- Я не хожу в рестораны, - глаза превращаются в две колющие льдинки, женщина вдруг становится жесткой, натянутой, как струна. Черт...кажется, он ее напугал.

- Тогда, может, вы что-нибудь приготовите? Вы не подумайте ничего... Я просто есть очень хочу. Последний раз в обед пил чашку кофе. У меня сегодня тяжелый день был, - и зачем он ей все это рассказывает?

Снова вдыхает - тихо, вымученно, обреченно:

- Хорошо.

...Обалдеть. Согласилась.

Он протягивает ей свою раскрытую ладонь:

- Влад.

Женщина странно смотрит на нее, словно раздумывает, стоит ли отвечать на такой простой жест.

Опять вздох. Гибкая рука начинает движение - робкое, несмелое... Ломкие пальцы касаются его кожи, холодные, почти ледяные... Хочется поднести к губам и согреть.

...Идиотизм...Откуда в голове такие мысли?

- Анна, - отвечает она.

...Кажется, можно расслабиться. Только бы не спугнуть опять.

- Я отнесу ваш чемодан наверх, Анна. Вы не против?

По ее лицу бежит тень, словно он только что не освободил ее от тяжести, а взвалил ей на плечи непосильную ношу.

- Кухня там, - он кивает головой, указывая направление.

- Я помню.

Ах, да, забыл... Холодильник забит... Кажется, она ждала кого-то. Интересно, с ним она тоже такая несговорчивая?

Влад поднялся на второй этаж и остановился в раздумье: какую же комнату она себе выбрала? Потом вспомнил, что она купалась, значит, душевая кабина там должна быть мокрой. Комната оказалась маленькой и в конце коридора. Впечатление, что она пыталась забиться в самый дальний угол дома.

... Странная женщина... И глаза странные...Невозможные.

Она

Анна добралась до пригорода довольно быстро. Она не ожидала, что дом будет таким большим. На фотографиях, которые показывала Лера, он казался ей уютным и компактным. На деле же оказался огромным двухэтажным зданием с множеством комнат, подземным

гаражом, тренажерным залом и бассейном. Сложно было не понять, что он принадлежит мужчине. Строгий, лаконичный, весь в светлой гамме: от пепельно-серого, до жемчужно-белого, он казался своеобразной данью стилю хай-тэк.

Долго блуждая по разным комнатам Аня пыталась почувствовать сердцем, в какой из них она будет ощущать не так остро гнетущую пустоту. Этот дом отчего-то напомнил ей ее собственный. Такой же нелюбимый, холодный, необитаемый и стылый. Нигде не ощущалась заботливая и приветливая рука хозяина. Никто не наполнил его цветами, теплом, сотней глупых мелочей и безделушек, из которых и строилась его уютная душа. Этот дом был также одинок, как и она. И сегодня у них одно одиночество на двоих. Так символично...

Созвонившись с Питером, Аня поехала в столицу и несколько часов провела в его мастерской, отбирая эскизы понравившихся ей образцов обуви. Некоторые из них понравились ей настолько, что она даже внесла изменения в свою коллекцию, отталкиваясь от идей Пилотто. Питер предлагал провести ей вечер вместе, обещая показать город, а потом поужинать в каком-нибудь уютном ресторанчике, но Анна отказалась, сославшись на плохое самочувствие после перелета - она всегда так делала, когда хотела кому-нибудь вежливо отказать и не обидеть при этом.

Заехав в супермаркет, она набрала два пакета продуктов. Это было глупой привычкой, от которой Аня никак не хотела избавляться, а может делала это намеренно, понимая, что это та последняя призрачная нить, которая соединяет ее с прошлым. Андрей не любил ходить в рестораны, он всегда говорил, что не может там расслабиться и получить удовольствие от принятия пищи, ему казалось, что кто-то обязательно будет заглядывать ему в рот. И Аня устраивала ему с Темкой ресторан на дому. Она готовила не хуже мишленовских поваров, собирая в модных блогах новые, сложные рецепты, поражающие воображение и вкус.

После гибели семьи она упрямо готовила каждый день, расставляла на столе тарелки, садилась и ждала, что вот откроется дверь, столовая наполнится шумом голосов, возней, восхищенными возгласами и неспешным цоканьем вилок и ложек по посуде. Ей так нравилось смотреть, как они едят: быстро, жадно, по-мужски, за секунды поглощая то, что она готовила весь вечер. Но вот уже пять лет никто не приходил на приготовленный ею завтрак, обед или ужин, и кулинарные изыски чаще всего доставались персоналу в ателье. Они с удовольствием поедали все, что она приносила, не задавая лишних вопросов - зачем и почему - видимо за столько лет просто привыкли.

Сегодня Аня решила приготовить любимые Артемкины блины с грибами, имбирное мясо для Андрея, фрэш-салат с пармезаном и биск-суп с морепродуктами. Закончив возиться на кухне, осторожно сложила все в холодильник, чтобы завтра днем накрыть на стол для своих мальчиков.

Завтра она достанет из шкатулок своей памяти красочные бусины воспоминаний, и будет долго сидеть, закрыв глаза, нанизывая их на обрывок нитки своей жизни. Завтра она спрячется от всего мира в толстую ракушку своей боли...Одна... Чтоб никто не мешал ей напоить себя этой болью до дна.

...Завтра... Еще бы заснуть сегодня в этом чужом и неприветливом доме.

Аня вышла из душа и долго смотрела на свое отражение в зеркале. Что она пыталась найти там, за невидимой гранью реальности? Себя? Себя другую, ту, что заливалась веселым смехом, когда Андрей подходил к ней со спины, обнимал и щекотно целовал в затылок, а потом долго смотрел на их двойников, застывших счастливым изображением напротив? Ей нравилось смотреть на себя в зеркале рядом с ним. Видеть, как сверкают его глаза, блуждая по ее лицу, шее, губам, понимать, что необходима, любима, желанна...Кажется, это было так давно, там, в другой жизни, но отражение должно помнить... Где-то в его гранях они остались

навечно...влюбленные, счастливые и...вдвоем.

Неторопливо вытирая мокрые волосы, она пошла вниз, выключить свет и проверить, хорошо ли заперла входные двери. Где-то на полпути ей послышался странный шорох. Сняв с головы полотенце, она замерла в оцепенении, словно пылинка, танцующая медленный танец в ярком луче света, пробивающегося сквозь узкую щель в крыше. Серые глаза, не мигая, уставились на нее...Будто выстрел в упор.

Она растерялась настолько, что на какое-то время даже дар речи потеряла, просто стояла и смотрела на этого огромного, как медведь, человека. Что он здесь делает? Ведь Лера сказала, что дом пустует, а брат сейчас в Америке. Боже...она полуголая стоит под пристальным взглядом постороннего мужчины и он, похоже, не испытывает от этого никакого дискомфорта.

- Отвернитесь.

Он послушно поворачивается, как слон на веревочке, и Аня еще несколько секунд ошеломленно пялится в его широченную спину.

...Господи, да как же меня угораздило так вляпаться?

Она собиралась быстро и суетливо. Наспех затянув еще влажные волосы в узел, Аня окинула критическим взглядом комнату: вроде бы все чисто. Ничего не напоминает о ее присутствии. Не нужно было слушать Леру и соглашаться на такую аферу. Что подумает о ней этот человек? Влезла в чужой дом, словно вор. И что теперь делать? Куда идти? Мысли Ани метались подобно птице в клетке, отчаянно бились о стальные прутья стыда, не находя выхода на свободу. Никогда еще она не оказывалась в такой нелепой ситуации.

...Хороший урок... Надо убираться отсюда быстрее.

Спустившись вниз, она надеялась, что хозяин дома хотя бы спросит, кто она такая, и что здесь делает, но он, похоже, не собирался облегчать ей жизнь. Засунув руки в карманы, смотрел на нее так, будто разбирал по клеточкам и по косточкам, а после аккуратно раскладывал все составляющие на полу, чтобы не дай бог не перепутать последовательность, когда будет складывать обратно.

- Я хотела попросить у вас прощения за свое вторжение.

...Молчит...смотрит с подозрением...хоть бы полицию не вызвал. Не хватало еще провести эту ночь в буцегарне.

- Лера уверяла, что дом пустует, в противном случае, я бы ни за что не согласилась здесь остановиться. Я сейчас вызову такси и уеду в гостиницу. Еще раз приношу извинения за причиненные неудобства, - Аня быстро всовывает ему в руки Леркины ключи.

Фух, ну вот и все...кажется, пронесло...бежать...бежать отсюда без оглядки.

- Подождите, - огромная фигура мужчины преграждает ей путь.

О боже, только не это...Кажется, не поверил ни одному ее слову, сейчас точно вызовет полицию. Хотя, зачем такому полиция? Прибьет одной левой, и никто не узнает, где могилка твоя...

- Это вы меня простите. Я не должен был быть здесь сегодня. Это случайность, - мужчина нервно, дерганно вздыхает, словно пытается подобрать слова.

Он что, ненормальный? Я влезла в его дом, а он еще и извиняется? Точно ненормальный...боксеров по голове часто бьют...

- Это ведь ваш дом. Зачем вы извиняетесь? Это я нарушила ваш покой. Мне, правда, очень неловко. В любом случае, я уже ухожу.

Аня быстро делает шаг в сторону выхода, и снова упирается в выросшего впереди нее стеной мужчину.

- Останьтесь, - голос мужчины низкий, властный, прибывает ее к полу, словно молоток тонкий гвоздик.

А вот теперь ей становится страшно.

...Точно ненормальный...маньяк какой-то, глаза сверкают, как у безумного...кто его знает, что у него там в голове. Надо успокоиться. Хоть бы не заметил, что она нервничает.

- Это исключено, - Аня сама удивляется холоду своего тона, пусть видит, что она его не боится.

- Послушайте, ночь на улице, куда вы пойдете? – он вдруг резко хватается ручку ее чемодана, и его рука вскользь дотрагивается до ее пальцев. Как током ударило...

Аня судорожно начинает вспоминать, как себя надо вести с такими, как он. Кажется, главное - не спровоцировать агрессию.

...Спокойствие...только спокойствие...

- Я найду гостиницу, - она осторожно тянет ручку на себя, но что ее жалкие потуги двухметровому увальню? Он даже глазом не моргнул, удерживая чемодан всего двумя пальцами. Она бы оставила его ему и бросилась бежать, но вдруг вспомнила, что положила туда паспорт и обратный билет.

...Да что ж так не везет сегодня?..

- Ближайшая гостиница - в Вене, и я не уверен, что там есть свободные номера в такое время.

...Тебе какое дело? Вот же привязался...Больной...точно больной...на всю голову.

- И все же я попытаюсь, - Аня дергает свои вещи со всей силы, и у нее опять ничего не получается. Этот верзила просто непробиваем.

- Хорошо, - вдруг произносит мужчина. От неожиданности Аня замирает на месте истуканом. - Тогда я поеду с вами, - добывает он ее.

...Только этого не хватало!

- Зачем?

- Как зачем? Тоже сниму себе номер. Или вы полагаете, я смогу заснуть в этом доме, зная, что несколько минут назад выгнал из него на улицу беззащитную женщину? Вы за кого меня принимаете? – лицо мужчины превращается в каменную застывшую маску, густые брови сходятся на переносице, и серые, цвета грозового неба глаза выносят ей приговор – казнить, нельзя помиловать.

Шок...Аня делает шаг назад. Каблук цепляется за выступ, и она падет... В голове пусто.

...Позор...Чудесное завершение вечера... На полу чужого дома, в чужой стране, у ног чужого мужчины...как там у них в боксе?...Нокдаун? Нокаут?

Ноги почему-то болтаются в воздухе. Дышать тяжело. И жарко...

...Почему так жарко?..

Нос уткнулся во что-то мягкое и теплое. Запах... такой знакомый... откуда она знает этот запах? Одеколон! Андрюшин любимый одеколон. Она подняла голову. Лицо мужчины так близко...так непозволительно близко...

- Пустите.

Ее осторожно, словно драгоценную статуэтку, ставят на пол, но она отчего-то не ощущает его твердости. Тело горит огнем от дерзости чужого прикосновения. Он словно пометил ее собой, поставил тавро на руках, плечах, спине.

...Как же так? Она столько лет не позволяла никому приближаться к ней, не разрешала никому прикасаться после Андрея, она столько лет строила стены вокруг себя, а этот... одним движением руки смел их все до одной.

- Оставляйтесь, дом огромный. Вы мне совершенно не мешаете. Я все равно завтра собирался уехать. Но если вы не останетесь, мне придется уехать сегодня.

Он что, намекает, что она ему весь вечер испортила? Или...

- Вы что, меня шантажируете?

- Пытаюсь, - вдруг совершенно искренне признается он, и улыбка прорезает его лицо, словно трещинка гранитную плиту. Он становится похожим на нашкодившего мальчишку. Так смотрел на нее Тема...

- Зачем? — ошеломленно спрашивает она.

- Не знаю как уговорить вас остаться. Я устал жутко. Не хотелось бы бегать за вами по Вене всю ночь.

Аня недоверчиво разглядывает его огромную фигуру. Атланты бы позавидовали. Ему и небо по плечу. Разве может такой устать? Или может? Он ведь всего лишь человек...

Боже, как стыдно. Она действительно совершенно не подумала о нем...Еще и за ненормального приняла...Человек устал, пришел домой отдохнуть, а тут она... Хочется провалиться сквозь землю.

- Извините. Похоже, мне все-таки удалось испортить вам вечер, - Аня не знает, куда спрятать глаза. Личное пространство человека неприкосновенно, она слишком хорошо знает эту непреложную истину, и вот теперь она сама, как варвар, пересекла запретную черту.

- У вас еще есть возможность все исправить, - мужчина смотрит на нее с улыбкой и, кажется, совсем не злится на нее за причиненное неудобство.

...Что он задумал? Это что, очередной шантаж?

- Поужинайте со мной. Тут недалеко есть ресторан.

Ну, конечно...Дурочка... Нашла, кого жалеть...Так вот, что ему нужно! Решил получить очередной трофей на вечер. Впрочем, от такого, как этот, другого и не ожидала. Бабник...

- Я не хожу в рестораны, - ей хочется сказать еще какую-нибудь гадость, чтобы он, наконец, отвязался от нее, отдал чемодан и позволил уйти.

- Тогда, может, вы что-нибудь приготовите? Вы не подумайте ничего... Я просто есть очень хочу. Последний раз в обед пил чашку кофе. У меня сегодня тяжелый день был, - его слова падают ей на голову, как капли дождя, смывая злость, раздражение и зарождающийся где-то глубоко внутри гнев.

В глазах мужчины нет и намека на лукавство или флирт. Он спокоен, серьезен и... Кажется, действительно устал и голоден.

...Да что с ней сегодня такое? Человек есть хочет, а ей везде происки мерещатся...

- Хорошо.

- Влад,- Аня отрешенно смотрит на протянутую ладонь, можно подумать, она не знает, кто он такой.

- Анна.

Он забирает чемодан, и надежда покинуть сегодня этот невозможный дом, и его еще более невозможного хозяина тает, как лед, случайно упавший в чашку горячего чая.

Аня стоит посередине большой кухни, растерянно озираясь по сторонам. Зачем она согласилась? Чем она его кормить будет? Глупость какая-то. Как в дурном сне...

На автопилоте открывает дверцу холодильника и смотрит на полки с продуктами. Она и забыла про них... Как зомби начинает доставать лотки, кастрюлю, овощи...

...Стоп. Что она делает? Это ведь не для него...

Мегатонная тяжесть уныния наваливается на плечи Анны сизифовым камнем. Она устала... Устала бороться с ветряными мельницами. Какая разница, кто все это съест? Может, так даже лучше... Не придется выбрасывать.

Она закатывает рукава и начинает быстро суетиться: блины в духовку, кастрюлю на плиту, мясо на сковородку, ловкими привычными движениями рвет салат и базилик, крошит авокадо, немного черри, маслины, пармезан, масло... Ну вот и все...

- Ух ты, - звучит за ее спиной и она вздрагивает. – Пахнет потрясающе.

Влад открывает шкаф и выволакивает оттуда бокалы для вина.

- Я не пью, - тут же вскидывается Анна, видя, что он откупоривает бутылку.

- Я тоже, - спокойно сообщает он. – Вы мясо приготовили. Выглядит как в ресторане, - он восхищенно разглядывает кусок стейка на тарелке, политого бальзамическим соусом. – А в ресторанах к мясу обычно подают вино.

Она не находит, чем возразить, и только тяжело вздыхает. Ну ладно, вино так вино.

- А это что? – Влад опускает ложку в тарелку с супом и подозрительно принохивается.

- Биск-суп с креветками, - безразлично произносит Анна, отпивает глоток вина и растворяется в его терпко-горьком послевкусии.

Фокус перед глазами расплывается, и она снова уходит в себя, забывая о еде, о том, где она находится, и о мужчине, сидящем рядом. Он, кажется, тоже не горит желанием общаться с ней. Впрочем, спасибо ему за это... Нет ни сил, ни желания говорить друг другу ненужные, ни к чему не обязывающие вежливые фразы. Она отрывает взгляд от точки на стене и зачарованно наблюдает за бесшумно поглощающим пищу мужчиной. Словно по волшебству исчезает со стола все, что она приготовила: суп, блины, мясо, салат. А он, кажется, и не замечал ее замешательства, жадно уничтожая очередной кусок стейка.

...Не мужчина, а троглодит какой-то...

Последний блинчик испарился из тарелки, он удовлетворенно откинулся на спинку стула, вытянув под столом свои невозможно длинные ноги, как огромный ленивый кот.

...Дурацкое сравнение...Какой из него кот?... Скорее, тигр или леопард...точно...леопард – черный, гибкий, с лоснящейся гладкой шерстью и обманчиво мягкой наружностью... протяни руку - и откусит по локоть. И ведь не соврал, действительно голодный...

- Слушайте, где вы все это взяли? - Влад поворачивает к ней лицо, и вдруг из каменного истукана превращается в добродушного плюшевого увальня, настолько меняет его широкая заразительная улыбка, расцветивающая каждую суровую черточку. - Никогда не покупал здесь таких вкусных блинов. Прямо как у мамы.

...Он что, с луны свалился? Как можно перепутать магазинную еду с домашней?

- Я не покупала блины, я их приготовила, - устало отвечает Аня, рассеяно прокручивая ножку фужера по столу.

- В смысле - приготовили? – он смотрит на нее с какой-то странной смесью подозрения и недоверия.

...Странный все же...Он что, не знает, что женщины умеют готовить?

- В смысле руками, - вздохнула она, и опять уткнулась взглядом в одну точку.

- Вы кого-то ждали? – голос Влада заставляет ее вынырнуть из вязкого состояния индифферентности.

- Что?

- Ну, вы же для кого-то это готовили? – пристально изучая ее взглядом спрашивает он.

- Привычка, просто глупая привычка. Никак не могу избавиться, - грустно отмахивается от его вопроса, как от назойливой мухи, Аня.

- Вы когда в следующий раз от привычки избавляться будете, меня позовите, - улыбается он. – Можно, я доем? – Влад кивает головой на последний кусок мяса по-японски, уморительно корча просительную гримасу.

Аня безразлично пожимает плечом, и он с реактивной скоростью уволаскивает остатки пищи, смачно впиваясь белоснежными зубами в сочный ломоть, медленно прожевывая и

упоенно жмурясь.

... Только не мурчит разве что... И куда в него столько влезает? Легче убить такого, чем прокормить...

- У вас талант, - наконец, насытившись и отбросив в сторону салфетку, дружелюбно сообщает он. - Если бы не знал, что вы известный модельер, принял бы за знаменитого шеф-повара. Очень вкусно. Я теперь понимаю, почему вы в рестораны не ходите. Там так не готовят.

Аня, удивленно моргая, разглядывает его вальяжно расслабленную фигуру.

... Чего это его прорвало, как плотину? Ах, да...наелся наверно...вот уж воистину голодный мужчина - злой мужчина...

- Откуда вы знаете, что я модельер? – вдруг спохватывается она.

У него округляются глаза, словно у воришки, пойманного на месте преступления, а через мгновение по лицу совершенно ничего нельзя прочесть. Спокойное, бесстрастное, просто памятник самому себе...

- Ну, вы ведь модельер, - скорее утверждая, чем спрашивая, произносит он. - Закревская Анна.

Аня напряглась, подозрительно насторожившись. Откуда он может знать, кто она такая? Такие, как этот, вряд ли модой интересуются...Моделями - да... Тут на морде написано «я – бабник».

- Племянница и сестра мне все уши прожужжали об удивительно талантливой Анне Закревской. Вы сказали, что ключи Лера дала, а когда представились, я сопоставил все факты и понял, что вы и есть та самая ...

...Надо же, он еще и сопоставлять умеет...

- А вы мужскую одежду тоже шьете? – зачем-то спрашивает он.

- Нет.

- Почему? – в его голосе столько удивления, как будто это преступление - не шить одежду для мужчин.

...Ну да, для таких, как этот, все должно вращаться вокруг него любимого...самоуверенный и самовлюбленный.

- Нерентабельно, - спускает его с небес на землю ответом Аня. – Мужчины реже интересуются модой, чем женщины.

Он, кажется, с ней не согласен, но молчит и лишь как-то недоуменно поводит бровью.

- Жаль, я бы обязательно купил у вас что-нибудь.

Теперь очередь Анны удивляться.

...С чего это вдруг аттракцион такой неслыханной щедрости?... Или хотел сжечь с нее авторскую вещь за бесплатное проживание в его хоромах?

- Вы даже не видели моих моделей одежды, - со скепсисом в голосе заявляет она. – Как же вы собрались что-то покупать?

- Почему не видел, - он складывает на груди свои руки, отчего рукава трикотажной футболки натягиваются на его огромных бицепсах, и кажется, что вот-вот треснут.

...Да на такого чтобы пошить что-то, вагон ткани уйдет...

- Вас ведь называют «королевой асимметрии», - невозмутимо продолжает он.

...Убил наповал. Он что, правда модой интересуется?!

Аня натужно пытается переварить, откуда он знает это идиотское прозвище, навязанное ей модными критиками.

- Кстати, платье вы Соне потрясающее сделали. Я вот и подумал, если бы вы создали мужской свитер в таком стиле, купил бы с удовольствием. Да, чуть не забыл, – он достает из кармана Лерины ключи и кладет их на стол перед Аней, - я завтра рано утром уеду, дом в

вашем распоряжении.

Она смотрит на ключи, потом на сидящего рядом мужчину, и как под гипнозом выдавливает из себя:

- Спасибо.

- Ну что вы, это я вас должен поблагодарить за ужин. Если бы не вы, лег бы спать голодным.

Его слова вдруг словно переключают внутри нее невидимый тумблер. Сколько времени? Что она делает здесь так поздно?

Спохватившись, Аня начинает быстро убирать грязные тарелки.

- Не надо, - ее руки перехватывают сильные, обжигающе горячие ладони, и посуда с мелодичным звоном сыпется на стол.

Он опять это сделал! Опять прикоснулся к ней! Так просто, без разрешения, без смущения. Как ему удастся так легко и беспрепятственно обходить все выставленные ею барьеры? Как ему вообще удалось уговорить ее остаться, да еще и согласиться кормить его?

- Я вас сегодня и так достаточно поэксплуатировал, - он виновато улыбается, пожимая огромными плечами. - Мне даже стыдно. Я тут сам все уберу и помою, а вы идите, отдыхайте. Я вещи в вашу комнату поставил.

Аня растерянно наблюдает за тем, как Влад убирает посуду в мойку, включает воду, и не спеша делает ее привычную женскую работу.

Медленно развернувшись, она как сомнамбула выходит из кухни, поднимается по лестнице на второй этаж, идет по длинному коридору и приходит в себя только на пороге комнаты.

Рядом со шкафом, аккуратно приставленный, стоит ее чемодан, ничего в спальне не напоминает о ее присутствии здесь раньше. Она оглядывается по сторонам, пытается понять, как он понял, что она выбрала именно эту комнату. Он что, ясновидящий?

Аня разобрала кровать, переоделась и, укутавшись в одеяло, долго не могла заснуть, пялясь глазами в темноту комнаты, прислушиваясь к неясным шорохам и звукам, силясь понять, что она здесь делает. Первый раз за столько лет она засыпала, находясь в доме не одна. Более того, где-то там, за стеной, был мужчина. Чужой мужчина. Станный мужчина... Странная встреча. Станный вечер. И она сегодня странная, сама не своя...

Удивительно, но призраки холода и страха, мучавшие ее каждую ночь, сегодня почему-то не пришли, и было непонятно, то ли они попросту не жили в этом доме, то ли боялись появляться здесь, опасаясь его грозного хозяина.

Она проснулась на рассвете, не сразу сообразив, где находится, а потом поток воспоминаний нахлынул на нее полноводной рекой, выметая из головы остатки сна.

Чужая страна. Чужой дом. Чужая спальня. И еще один постылый одинокий день. Сколько еще она должна будет прожить таких дней, чтобы Господь, наконец, позволил ей воссоединиться с ее мальчиками? Сколько еще она должна вынести страданий, чтобы Всевышний посчитал ее достойной своих небес?

Поднявшись с постели, она умылась, оделась и села на стул, послушно ожидая, когда придет привычное ощущение гнетущей пустоты и нестерпимой боли, с особой жестокостью терзавшее ее в эту жуткую дату. Она была готова. Она привыкла. Срослась с этой болью, ощущая ее неотъемлемой частью себя. Она уже не помнила, как может быть по-другому.

Аня достала из сумки пожелтевшую, истрепанную газету пятилетней давности и, аккуратно расправив на столе, снова и снова стала вчитываться в строчки, возвращая себя в тот страшный день. Зачем она это делает? Зачем каждый раз мучает себя, не давая его величеству времени стереть из книги памяти все следы разбившей ей сердце трагедии? Зачем

не хочет отпустить их? Наверное, потому, что пока она помнит, пока воскрешает перед глазами их лица, голоса, жесты, для нее они остаются живы... Они никуда не ушли, они всегда рядом, навечно застыв каплей нежности в ее душе, только протяни руку, закрой глаза, и они сразу придут на зов ее сердца.

- Андрюша, - она уронила заплаканное лицо на сложенные на столе руки, призывая в тысячный раз того единственного, рядом с которым чувствовала себя живой.

Любимые ладони осторожно ложатся ей на плечи, снимая с них непосильную ношу, которую она на себя взвалила.

- Не уходи. Не сейчас. Побудь со мной, - просит она, вскакивая и прижимаясь к его родной груди. Сильные руки обнимают так нежно, и она растворяется в их пьяно-сладком хмеле, застыв, как замершая стрелка на циферблате.

...Еще немного...Еще чуть-чуть...Постоять так...Побыть в плену этого обмана.

- Не оставляй меня, - просит она снова, и его мягкие губы ласково касаются волос на ее макушке.

Поцелуй такой теплый, такой настоящий, словно это не сон, не иллюзия, а ожившая воплоти несбыточная мечта. Она поднимает голову, сталкиваясь ошеломленным взглядом с серыми, цвета грозового неба, глазами.

- Вы?...Вы как здесь?...

Он

Влад лежал на кровати и, улыбаясь, смотрел в потолок. Спать не хотелось, совсем не хотелось. Удивительно, первый раз в жизни в его доме спала восхитительная женщина, и эта женщина не спала в его постели.

Где-то там, за стеной, находилась хозяйка невероятных глаз и удивительно красивых рук. Ему нравились изящные женские руки, наверное потому, что его собственные были большими и грубыми, с мозолями от штанг, гантель и тренажеров, с набитыми от постоянных ударов костяшками, а у этой... они были потрясающими... словно застывшая музыка...

Весь вечер он, как дурак, украдкой смотрел на ее узкие аристократические ладони с тонкими длинными пальцами, мечтая прикоснуться к ним еще раз. И когда она стала собирать тарелки, наконец, нашел возможность, чтобы осуществить задуманное, похоже, напугав ее при этом.

Она исчезла так быстро, даже ключи забыла забрать. Замечательный повод, чтобы зайти к ней утром, заодно и пригласить на завтрак. Отчего-то очень захотелось посидеть с ней в кафе на улице, заказав по чашке венского кофе с горячими круассанами. Замечательное начало дня – свежий воздух, вкусная еда и компания красивой женщины... Черт, а еще лучше было бы на завтрак ее фантастических блинчиков...Готовит она потрясающе. Да и сама она...тоже потрясающая. Неземная какая-то.

...А может Сонька была права, что, если ему правда жениться на ней? Дети иногда на подсознательном уровне чувствуют то, что не способны понять взрослые. Обалдеть...Что-то его не в ту степь понесло...Ну надо же, про женитьбу думать начал. Мама бы была в восторге.

Влад закрыл глаза и прежде чем провалиться в объятия сна пообещал себе, что завтрашнее утро обязательно проведет с обладательницей невозможных глаз. В конце концов, не было еще такой женщины, которая бы ему отказала, когда он включал все свое обаяние на полную катушку.

Рано утром он выбежал на пробежку, на обратном пути заскочив в бистро и, накупив свежей выпечки с двумя стаканами обжигающе-горячего кофе, вернулся в дом. Оставив пакеты на кухне, он пулей полетел в душ, выскочив оттуда в рекордно короткие сроки, гладким и прилизанным, как плакат. Критически осмотрев себя в зеркале и найдя «очень даже ничего», он направился в конец коридора звать прекрасную гостью разделить с ним скромную трапезу.

Влад настойчиво постучал в двери, но, простояв у порога пять минут, понял, что никто не собирается ему открывать. За стеной было тихо, создавалось впечатление, что там никого нет.

...Странно...Когда она успела уйти? А что если она собралась и уехала, когда он бежал?

Настроение почему-то испортилось. А чего он ожидал, что она станет сидеть и ждать, пока он придет пожелать ей доброго утра? С чего он вообще решил, что ей приятно его общество? Он постоял в нерешительности еще несколько минут, а потом легонько потянул на себя ручку, замерев в открывшемся проеме от представшей глазам картины.

Аня сидела за столом, уронив голову на гибкие плечи своих красивых рук. Она плакала. Тихо, горько, беззвучно, не смея нарушить своей одинокой болью покой его дома. И хрупкая ранимость вздрагивающих плеч вдруг осела в его душе мутным нерастворимым осадком. Почему она плачет? Как же так? Кто обидел? Кто посмел?

Какая-то неведомая сила потянула его навстречу к ней, к этой худенькой сгорбленной спине с выступающими камушками позвонков, с тонкими, словно сломанные крылья, лопатками. Он остановился в шаге от нее, не зная, что делать. На столе лежала старая газета с кричащим заголовком о крушении пассажирского авиалайнера. Мельком взглянув на дату, он все понял...

Возникло странное, нелепое желание обнять эту такую сильную в своей слабости женщину, закрыть собой, прогнать мучающих ее демонов. Он бережно дотронулся до ее опущенных плеч, и она внезапно, резко вскинувшись, приникла к нему всем телом, уткнувшись заплаканным лицом в солнечное сплетение. Этот отчаянный жест напрочь сжег у него весь воздух в легких, ошеломив своей бесхитростной простотой.

- Не уходи. Не сейчас. Побудь со мной, - от тихой обреченности ее голоса по коже прошел мороз, пробрав до костей. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким беспомощным, как в этот момент, когда держал в руках эту маленькую плачущую женщину и не понимал, как может ей помочь.

- Не оставляй меня, - она оплетает его своими нежными руками, и у него к горлу подступает комок от сокрушающего отчаяния ее слов. Он опускает голову и бессознательно дотрагивается губами до ее струящихся водопадом волос, таких мягких, шелковых, пушистых.

- Вы?.. Вы как здесь?.. Вы зачем? – она вдруг поднимает голову, упираясь в него своими невероятными, огромными, полными горьких слез глазами, и льющаяся из них через край боль выбивает у него почву из-под ног, посылая в жестокий нокаут. Он жадно всматривается в ее лицо, понимая, что сейчас отчетливо видна каждая его черточка: скорбная морщинка между изогнутых бровей, капельки слез, повисшие на черных ресницах, едва заметные веснушки на носу, удивленно распахнутые губы. Такая трогательно нежная, беззащитная, хочется держать так вечно и не отпускать...

- Что вам нужно? – она отступает на шаг назад, зябко обхватив себя руками, как будто замерзла, и этот короткий шаг внезапно превращается в разверзшуюся между ними необъятную пропасть. Владу самому становится ужасно холодно и неудобно от ощущения

неожиданной потери, словно от него кусок сердца отодрали.

- Что вам нужно? – снова повторяет она, не отрывая от него взгляда своих невозможных каре-зеленых глаз.

...А и правда, что ему нужно? Он просто хочет, чтобы она не плакала. Бред...Да ему-то что? Что он здесь делает? Какого рожна вообще поперся к ней? Нет...валить надо. Но ведь если уйдет, она опять будет плакать. Уткнется в свою идиотскую газету, сжечь бы ее к такой-то матери, и будет плакать... Нельзя ее одну оставлять...

- Мне нужна ваша помощь, - он, кажется, сам в шоке от того, что только что сказал.

...Какая помощь?! Что он несет?

- Что? – Анины мокрые ресницы хлопают, как крылья пойманной в сети бабочки.

- Понимаете, - Влад прочищает внезапно осипшее горло, – у меня через пару часов совещание на фабрике, а я не могу галстук завязать.

...Твою мать, нашел, что ляпнуть...галстук. Смотрит, как на идиота. Ну вот, хоть плакать перестала, и на том спасибо.

- Какой галстук? – она окидывает его фигуру с ног до головы растерянным взглядом.

- Да хоть какой-нибудь. Галстуков много, а завязывать я их не умею.

...Бред. Нет, определенный бред. Хоть бы поверила, что я галстуки не умею завязывать.

Тяжелый вздох. Она стирает ладошкой влажные дорожки со щек.

- Где ваш галстук? – устало произносит Аня.

...Где мой галстук? Хороший вопрос... Слава богу, не спросила, почему я в футболке и джинсах.

- Пойдемте, - Влад, наклоняясь, хватая ее за руку, и она, удивленно моргая, смотрит на то, как тонут ее пальцы в его широкой ладони. – Пойдемте, пойдемте, галстук там, - настойчиво тянет он ее к выходу.

...Сегодня ее руки такие теплые...и не шарахается от меня, как ошпаренная... плетется следом, как послушная маленькая девочка. Да не больно-то и велика, еле до груди достает. Дурдом... Что я делаю?

- Сейчас, - он затягивает ее в свою комнату, затем, дойдя до зеркальной панели гардеробной, отодвигает створку в сторону, напряженно выискивая в ровных рядах рубаш, брюк и костюмов вешалки с галстуками.

...Где-то тут у меня были галстуки...Ура...Нашел. Так, теперь рубашку надо надеть...

Влад быстро стягивает с себя футболку и замирает от неожиданности, пристукнутый возмущенным женским возгласом.

- Вы что делаете?! - она испуганно пятится назад, уставившись своими огромными, широко раскрытыми глазами в его голый торс.

- Я?

- Вы зачем разделись?! - щеки женщины медленно начинают розоветь, изумленные луки бровей взлетают вверх, в глазах загорается огонь ярости.

...Ух ты... просто разгневанная богиня...сейчас молнии метать начнет.

- Я... нет. Это не то, что вы подумали. Я рубашку надеть хотел, – Влад сдергивает с вешалки первую попавшуюся, неуклюже пытаясь натянуть ее на себя. – Галстук ведь на рубашку нужно... - путано и сбивчиво оправдывается он, протягивая ей галстук.

Она странно смотрит на него, потом на галстук, потом снова на него.

- А пиджак ваш где?

...Пиджак...где мой пиджак?... Зачем ей мой пиджак? Да какая теперь разница...Пиджак так пиджак.

Он не глядя, вытаскивает из шкафа какой-то костюм.

- Вот! Пойдет?

Несколько секунд она молча разглядывает в вытянутых руках его одежду, потом его самого, а затем как-то горестно вздыхает:

- Ужас.

- Не понял... - Влад ошалело проводит ладонями по рубашке от Eton. Рубашка-то ей чем не понравилась? Такую сам король Швеции носит. А галстук от Pietro Baldini и костюм Cacharel это вообще лучшие мужские бренды...

- Нет, по отдельности это удивительно красивые вещи,- грустно изрекла она. - Но если вы все это на себя наденете, то будет серо-буро-малиновый ужас.

- Аа...- он не успевает сказать ничего внятного, потому что Аня сначала осторожно отодвигает его в сторону, а затем заходит гардеробную, внимательно изучая ее содержимое. Минута манипуляций, и она возвращается с тройкой галстуков и парой костюмов, замирая перед ним в нерешительности. Снова вздыхает, так безысходно, как будто ее в кандалы заковали и собираются отправить на каторгу. Потом медленно протягивает руку, прикладывая к нему поочередно то один, то другой галстук, после задумчиво разглядывает пиджаки и, наконец, останавливает свой выбор на аксессуарах в серо-сиреневой гамме в тон его рубашке.

- Держите, - она передает ему костюм, а потом зачарованно рассматривает галстук в своей руке, похоже, не понимая, как он там оказался. Поднимает на Влада свои удивительные глаза и у него перехватывает дыхание от ее растерянно-трогательного взгляда.

- Вы высокий, - доносится до него тихий шелест ее слов. - Я не достану.

- Да, конечно. Извините, - оглядывается он по сторонам и не придумывает ничего лучше, чем сесть на кровать.

Она подходит так близко, что теперь он может пересчитать пуговички на ее блузке. Робко дотрагивается до ворота его рубашки, поднимая его вверх. Тонкие пальцы скользят по его плечам, перекидывая за шею ленту галстука, невесомо касаются груди, посылая по ней одуряющую россыпь тлеющих наслаждением искр. Ее волшебные руки двигаются пластично, мягко, плавно, словно плетут невидимые кружева, а не вяжут узел. Теплые, гибкие, вязкие, они опутывают его дурманом еле уловимого аромата ее тела. Он тяжело сглатывает, упершись глазами в нежную полоску кожи в распахнутом вырезе, опускается ниже к дерзкой округлости груди и забывает, как нужно дышать.

...Это просто какая-то попытка, никогда не думал, что завязывание галстука может быть таким эротично-интимным действием.

От пьянящей близости этой стоящей между его ног женщины, дотрагивающейся до него только кончиками пальцев, тело вдруг скручивает в тугой узел, отдаваясь ноющей истомой во всех мышцах. Он с силой сжимает руки в кулаки, потому что так непреодолимо безумное желание положить ей ладони на бедра и, притянув к себе, прижаться губами к бархатной линии ее шеи.

- Все, - она поправляет ворот, проводит ладонью по груди, разглаживая галстук, и это безыскусное движение просто-напросто вышибает из него дух. Уголков ее губ внезапно касается еле уловимая эфемерная улыбка, меняющая лицо женщины до неузнаваемости. Словно кто-то внутри зажигает фонарик, и он расцветивает все черточки и контуры мягким золотисто-горячим приглушенным светом. - Ну, я пойду, - негромко произносит она, поворачивается и неслышно покидает комнату.

Влад бессильно откидывается на кровать, рвано глотая воздух. В голове ни одной мысли, словно вымели все напрочь, перед глазами стоит ее завораживающая улыбка, и тело до сих пор горит, помня ее потрясающие прикосновения.

...Это вообще что такое было?!

Внезапно он осознает, что она ушла, резко вскакивает и вылетает в коридор.

- Аня, подождите, - Влад замирает в сантиметре от нее, нависая над тонкой фигуркой пугающей тенью.

- Что-то еще? – она недоуменно оглядывает его с ног до головы.

- Нет. То есть да. Я хотел... - Влад запинаясь, судорожно пытаясь придумать, что же он хотел.

- Вы рубаху не заправили, - кивает она головой, указывая ему на немного потрепанный вид. – И брюки наденьте от костюма, джинсы сюда не пойдут.

...Да черт с ней, с рубахой, костюмом...Как же тебя задержать, Аня?

- А... я потом переоденусь. Я завтрак нам купил, - он захватывает в плен ее тонкую ладонь. – Пойдемте, а то кофе совсем остынет.

Она отчаянно машет головой, пытаясь отодвинуться от него подальше.

- Н-нет, это лишнее. Я не хочу.

- Отказ не принимается, - Влад делает шаг вперед, сжимая ее руку чуть сильнее. – Я как последняя прожорливая скотина вчера слопал все ваши запасы. Сегодня угощаю я, тем более что вы еще не ели.

- Это не обязательно. Я не голодная, - Аня осторожно тянет руку, но он как бы невзначай накрывает ее своей второй ладонью, словно сэндвич.

- Послушайте, вы же не хотите, чтобы Лерка меня со свету сжила за то, что я вас тут голодом морил?

- Я ей ничего не скажу, - мгновенно вскидывается она, наивно хлопая своими огромными глазами.

...Ишь ты, не скажет она...Лерку, значит, любит, расстраивать не захочет.

- Зато я скажу, - выпаливает Влад, с восторгом впитывая в себя ее изумленный испуг.

- Вы что, опять меня шантажируете? - лицо Ани, как вспышка, озаряет внезапная догадка.

... Ну я бы не стал так утрировать... Хотя...

- Ага, - широко улыбается он. – По-другому вас пока уговаривать не получается. Я ведь все равно не отвяжусь. Так что выбора у вас особого нет. Или завтракаете со мной, или все расскажу Лерке и Соне.

- Что вы им расскажете? – она смешно закусывает губу, отчего становится похожей на маленькую обиженную девочку.

...Нервничает...Хоть бы с крючка не соскочила...

- Как что? Покаюсь Соньке, что не по злему умыслу, а исключительно по тяжелой нужде - очень кушать хотелось - съел у ее кумира все стратегические запасы, оставив тем самым помирать оную с голоду, за что, терзаемый муками совести, готов понести суровое наказание.

- Вы что, ненормальный? – брови Ани изумленно взлетают вверх и она, очевидно удивлена настолько, что даже больше не пытается выдернуть свою руку из его захвата.

- А что, не видно? Нас, боксеров, знаете ли, часто по голове бьют.

- Я так сразу и поняла, - задумчиво протягивает она, вызывая своими словами у Влада приступ гомерического хохота.

- Я что, правда кажусь настолько безнадежным?

На ее лице появляется выражение глубокого скепсиса, сменяющееся твердой решимостью.

- Если я позавтракаю с вами, вы от меня отстанете? – вскидывает голову она.

...Она...А вот это другое дело...Отстану... когда-нибудь...наверное...

- Клянусь, - напустив на себя серьезный вид, кивает головой Влад.

- И не вздумайте Соне глупости говорить и расстраивать ребенка.

- Обещаю, не буду расстраивать.

...Расстраивать, как же...Да я ее обрадую! ...Она, между прочим, на тебе жениться предлагала.

Аня делает глубокий обреченный вздох, понуро опуская хрупкие плечи, и Влад, пока она не успела прийти в себя и передумать, быстро тянет ее вниз по лестнице.

- Так, - он заводит ее в кухню и усаживает на стул. - Теперь моя очередь за вами ухаживать. Блины я делать не умею, поэтому пришлось ограбить ближайшее бистро,- он вытягивает из бумажных пакетов круассаны и кофе.- Еще горячий, - радостно сообщает Влад, снимая с напитка пластиковые крышки.

Тонкие, гибкие пальцы смыкаются на округлой поверхности стакана, она подносит его к губам и, закрыв глаза, делает глоток, упоенно вдыхая витающий в воздухе густой аромат.

Влад вдруг ловит себя на мысли, что не может отвести взгляда от этой женщины. Ему нравится смотреть на нее. Нравится, как мягко обрамляют лицо каштановые локоны, как женственно двигаются ее красивые руки, как невесомо опускаются длинные ресницы, слегка подрагивают мягкие губы. В ней все настолько гармонично и естественно, что, кажется, можно смотреть целую вечность на то, как эта женщина пьет кофе.

Никогда ничего подобного он не испытывал. Это было странно и неожиданно: получать такое невероятное наслаждение просто наблюдая за, казалось бы, таким бесхитростным процессом.

...А знаешь, Аня... Пожалуй я от тебя уже не отстану...

- Вы ешьте, - Влад подсовывает к ней тарелку со сдобой. - Выпечка здесь замечательная.

Аня берет круассан, осторожно откусывая хрустящую краюшку. Осыпавшиеся крошки повисают у нее на губах, и она быстро слизывает их языком, отчего губы становятся блестящими и влажными.

Влад судорожно сглатывает, опуская глаза в стол, галстук сдавливает горло, словно удавка, ему вдруг становится жарко и неудобно.

...Твою ж...это не завтрак, а какое-то эротик-шоу. Что ж ты так действуешь на меня, Аня?

- Правда, очень вкусно, спасибо, - тихо произносит она, и снова уголков ее губ касается едва заметная улыбка, такая легкая и воздушная, как поцелуй ветра. Хочется улыбнуться в ответ.

- У вас во сколько самолет?- неожиданно спрашивает ее Влад.

- В семь вечера. А зачем вам? - с подозрением интересуется она, мгновенно ошетинившись, как еж. Глаза превращаются в острые льдистые осколки, спина напряжена, губы сомкнуты в узкую линию.

- А вы в Вене раньше были?- оставив ее вопрос без ответа снова поинтересовался Влад.

- Один раз, - хмурится она. - Почему вы спрашиваете?

- Замечательно, значит, толком там ничего не видели. Буду сегодня вашим гидом.

- Что?

- Я отъеду на пару часов, на фабрику, а когда вернусь, покажу вам местные достопримечательности, и потом отвезу в аэропорт, - он быстро достает из кармана телефон и набирает номер Ханны.

- Я никуда с вами не поеду, - с выражением неподдельного ужаса на лице пытается

возразить она, но Влад лишь таинственно приставляет палец к губам, заставляя ее умолкнуть и напряженно вслушиваться в его разговор с домработницей.

- Ну вот, - наконец завершив беседу сообщает он. – Пока меня не будет, Ханна составит вам компанию, заодно расскажет все местные байки. Она их много знает, поверьте.

- Да не нужна мне ничья компания! - начинает сердиться Аня.

...Да, да, как же...так я тебя одну и оставил... и газетку твою сейчас пойду в сортир спущу...

- А потом поедem, я вам покажу Вену, такой, какой ее знаю, - продолжает свой монолог Влад, совершенно игнорируя Анин протест. - Удивительный город, там что ни здание, то свидетель какой-нибудь эпохи. Вы обязательно должны увидеть собор святого Стефана, дворцы Хофбург и Шенбрунн, еще бы Оперу...Но это наверное в следующий раз. Да, и обязательно съездим в «Демель», там продают засахаренные фиалки – удивительный десерт, ничего вкуснее в жизни не пробовал. Лучшего сувенира из Вены вам не придумать.

- Не хочу я никаких экскурсий. Вы обещали меня в покое оставить, - распаляется она.

- Не мешайте мне изображать гостеприимного хозяина, - беспшашно отмахивается от нее Влад. - Вы первая гостья в этом доме за последние пять лет. Я, может, только собрался на себя примерить роль экскурсовода, а вы мне портите весь кайф. Не вечно же мне на жизнь мордобоем зарабатывать.

- Ну, знаете, это уже не в какие ворота... Я вам что, подопытный кролик? – в Аниных глазах загорается яростный блеск.

В это мгновение звонит телефон и лицо Влада расплывается в радостной улыбке.

- Сестренка! Привет. Где я? А ты меня не сильно бить будешь? - коварно начинает он, немигающим взглядом уставившись на мгновенно побледневшую Аню и отчаянно машущую головой.

...А чего это мы так боимся сказать Лерке, что ночевали со мной в одном доме?

- Так вы будете сегодня моим подопытным кроликом? – зажимает ладонью трубку Влад. – Или подопытного кролика сделают из меня? Учтите, пытать меня будут долго и с особой жестокостью.

Глаза Ани сужаются в узкие щелочки, и она процеживает сквозь стиснутые зубы:

- Хорошо.

- Я в Германии, родная, пью кофе и пытаюсь уговорить одну несговорчивую фройляйн прогуляться со мной по городу... Ну, конечно... Я тебя тоже целую, сестренка, - распыляется Влад, не обращая внимания на то, что на том конце трубки Ханна, сообщившая, что стоит у входа, растерянно лопочет, что ничего не понимает по- русски.

- Вы...вы...вы беспринципный шантажист! - лицо женщины заливается ярким румянцем, и Влад, как вор, пьет ее такие новые и живые эмоции, восхищенно вглядываясь в сияющие, как звезды, глаза.

- Ну почему сразу беспринципный?- обиженно фыркает он. – Наоборот, очень даже принципиальный. Вы моя гостья, вот я и хочу быть гостеприимным. Принципиально.

- А вас об этом просят? – вспыхивает Анна.

...Ух ты...когда злющая, еще красивее...

- Так в чем дело? Попросите.

- М-м-м-м, - закатив глаза в потолок рассержено стонет она, понимая, что разговор превращается в театр абсурда.

...Замечательно...Злись, рычи, стукни меня, лишь бы не плакала...

За их спиной раздается шорох, и Влад тепло приветствует вошедшую на кухню Ханну.

- Аня, вы по-немецки понимаете?

- Нет, - резко и четко выпаливает она, сверля его сердитым взглядом.

...Мда, если бы взглядом можно было ударить, как минимум сотрясение мозга мне было бы гарантировано.

- Ничего страшного, мадам Ханна говорит по-английски. Правда, Ханна? - обращается он к домработнице, и та, как китайский болванчик, радостно кивает головой. - Только не говорите, что вы на английском не разговариваете, - он вопросительно вскидывает бровь, глядя на Анну.

- Я говорю на английском, французском и итальянском, - цедит она сквозь стиснутые зубы, с силой выпуская воздух через нос.

...О, кажется, достал окончательно...надо делать ноги...пусть остынет.

- Ну, вы тут общайтесь, а я пойду, переоденусь, мне выходить скоро. А то опоздаю, - невинно сообщает Влад и быстро ретируется с кухни.

Поднявшись наверх, он останавливается посередине коридора, напряженно вслушиваясь в отголоски беседы, доносящейся снизу. Потом быстро бежит к комнате Анны и, прокравшись в нее, как преступник, забирает со стола газету, комкая и утрамбовывая ее в бесформенный комок.

...Вот так-то лучше...нечего у себя дрянь всякую хранить.

То, что осталось от прессы, находит неожиданный приют в мусорном ведре в туалете, и Влад, деловито потирая руки, направляется к себе, довольный своей выходкой.

Стоя перед зеркалом, одетый в выбранный Анной костюм, он долго разглядывает свое отражение.

... Да...сильна...отлично все подобрала. А что это у нас галстук так неправильно завязан?

Он намеренно сдвигает узел влево и теперь, он косо болтается сбоку.

...О, теперь то, что надо...Не... и рубашку сейчас подправим.

Перестегнув на груди одну пуговицу на петлю ниже, он удовлетворенно подмигнул самому себе в зеркале и, всунув руки в карманы, пошел сдаваться возмутительнице своего душевного спокойствия.

- Я смотрю, вы нашли общий язык, - с порога заявил он, обнаружив мило беседующих дам. Вернее это Ханна тарахтела, как из пулемета, а Аня ей просто согласно кивала, пытаясь выдавить из себя вежливую улыбку. - Вот и отлично, я вернусь через пару часов, не скучайте тут без меня.

- Галстук поправьте, - тихо заметила Аня, как только он развернулся, чтобы уйти.

Влад скосил глаза вниз и намерено дернул узел так, что теперь он съехал вправо.

- Спасибо!

- Еще поправьте, - проронила она, грустно разглядывая безобразие на его шее.

- Да я не вижу ничего, - как бы невзначай посетовал Влад. - Поправьте вы, пожалуйста, - он подходит к ней и приседает на край стола, чтобы она могла достать до галстука.

На ее лице мгновенно отражается вся гамма сопутствующих эмоций: смятение, паника, сомнение, потом она безвыходно вздыхает, подходит и аккуратно передвигает узел на место.

- У вас и рубаша неправильно застегнута, - убирая руки, произносит она.

- Так перестегните, - как ни в чем не бывало заявляет Влад, огорошив Аню своей бесцеремонностью. Теперь у неё на лице такое выражение, словно её только что попросили поцеловать жабу. - Мне неудобно, простите за наглость, - подкупающе вежливо извиняется он.

Она расстегивает пуговицы, и Влад чувствует, как дрожат ее пальцы, дотрагиваясь до кожи на его груди. Он наклоняет голову ниже, украдкой вдыхая аромат ее волос, закрывает глаза, пьянея от внезапно нахлынувшего блаженного наслаждения. Она пахнет так восхитительно вкусно, невозможно надышаться, и внутри покалывает от несносного желания прижать ее крепче, чтобы впечатать в себя ее потрясающий запах. Он успевает перехватить ее руки на взлете, до того, как они оторвутся от ткани его рубахи, оставив томиться его тело в безнадеге одиночества, и поднести запястья к губам, запечатлев на них невесомый поцелуй.

- Что вы делаете? – еле слышно шепчет она, широко распахивая свои огромные каре-зеленые глаза.

- Спасибо, - его тихий голос тонет в искрящейся глубине ее взгляда. - У вас волшебные руки.

Секунды вдруг замедляют свой бег, обволакивая их тела вязким эфиром полутонов, и Владу кажется, что он застыл стоп-кадром в этом потрясающем мгновении, когда глаза в глаза, ладони в ладонях, дыхания в такт.

Она приходит в себя первой, неслышно выскальзывая из его захвата, отступает назад, опускает глаза, как будто стыдится того, что произошло.

- Мне пора, - Влад с сожалением направляется на выход, оглядываясь напоследок на притихшую Аню, и ее хрупкая, словно наэлектризованная фигура все еще стоит у него перед глазами, когда он садится в машину и поворачивает ключ зажигания.

Откинувшись на спинку сидения, он несколько минут смотрит в никуда, пытаясь постичь таинство и загадку мотивов его величества случая, а потом улыбается, понимая, что все случайности - не случайны, и кто-то свыше возможно решил одарить его своей щедрой рукой, столкнув их с Аней в пустом доме поздним вечером.

Она

Аня слушала веселое щебетанье госпожи Ханны сквозь ватное одеяло навалившегося на нее оцепенения, так и оставшись стоять где-то там, далеко, в коротком замыкании их с Владом взглядов. Все звуки размылись, сливаясь в монотонное приглушенное дребезжание.

В ее душу внезапно ворвался хаос, заставляющий сердце захлебываться в агонии безрассудной пульсации. Оно то замирало, то мчалось, как обезумевший пес, не разбирая дороги, падая, сдирая лапы, поднимаясь и снова переходя на бег. Она не могла понять, как такое могло произойти? Как этот невозможный мужчина смог подобраться к ней так близко? Он ворвался, как танк, в ее привычный закрытый мир, и едет по нему напролом, игнорируя стопы и запреты, расстреливая из всех орудий ее защитные бастионы и барьеры.

Зачем он это сделал? Зачем поцеловал руки? Они до сих пор горели дерзким ожогом его поцелуя. Столько лет к ней не прикасался ни один мужчина. Нет, были дружественные рукопожатия, приветливые объятия с коллегами по цеху, галантные, ни к чему не обязывающие поцелуи руки или щеки от клиентов или инвесторов. Этот поцелуй был другим... Она поняла это, едва он притронулся губами к ее коже. Он ударил по ней электрическим током его ничем не прикрытых эмоций. В его прикосновении не было пустой праздности или вежливой благодарности, так мужчина целует понравившуюся ему женщину - нежно, трепетно, вкладывая в поцелуй энергетику своего чувства. Она видела это в его взгляде, обнимающем ее всеми оттенками своих серых глаз.

Всего за сутки ему удалось перевернуть ее жизнь с ног на голову, заставить делать то, к чему в обычной ситуации ее не принудили бы и под дулом пистолета. Зачем она согласилась на его увещевания и осталась в этом доме? Зачем позволила уговорить себя на эту его

ненормальную выдумку с экскурсией? Как находиться рядом с ним после того, что случилось? Он все время прикасается к ней, подходит так непозволительно близко, вторгаясь, как будто так и надо, в ее личное пространство.

- С вами все в порядке? – Ханна осторожно дотронулась до Аниного плеча, вырвав ее из туманных сетей сумбура.

- Что? – Аня, часто моргая, смотрит на встревоженное лицо женщины, не понимая, что та от нее хочет.

- Вы не ответили на мой вопрос, и вы бледная. Я подумала, может вы себя плохо чувствуете? – не унимается та.

- Простите, у меня голова болит. Я, пожалуй, поднимусь к себе в комнату, вы не обидитесь?

- Ну что вы. Конечно- конечно, идите отдыхайте. Я буду здесь, если что.

Облегченно вздохнув, Аня отправляется наверх, радуясь тому, что наконец-то осталась одна. Вернувшись в комнату, она устало садится на кровать, пытаясь собрать в одно целое хаотично расплзающиеся мысли. Она застряла в вакууме этого бесконечно длинного утра, потерялась в лабиринте его хитросплетений.

...Господи. Она забыла, какой сегодня день. Как она могла забыть? Это все он...Он беспардонно влез в ее жизнь, помешав ей напоить свое сердце привычной болью. Боже...она прижималась к нему...просила остаться...Как она могла перепутать его с Андрюшей? Как она могла...

Аня в панике поднялась с кровати, нервно меряя шагами пространство комнаты.

... Что она здесь делает? Надо бежать отсюда...Бежать из этой страны, из этого дома, от этого мужчины...

Вытащив из шкафа чемодан, она стала суетливо сбрасывать в него свои вещи. Огляделась по сторонам, чтобы не дай бог не оставить ничего в этом доме и не дать его хозяину шанса встретиться с ней, чтобы вернуть.

...Косметика, зубная щетка... Чуть не забыла...

Аня влетела в ванну, сметая со стеклянной полочки свою парфюмерию в сумку. Тюбик с губной помадой пролетел мимо, звонко подпрыгнул на кафеле и закатился за мусорную корзину. Наклонившись, чтобы поднять его, она так и замерла, не поверив своим глазам. В мусорке, небрежно скомканная, лежала газета. Она не могла перепутать. Эту газету она узнала бы из тысячи. Вытянув комок, Аня уселась на полу, расправляя его дрожащими руками.

...Этого не может быть...Как она здесь оказалась?...Кто мог такое сделать?

В Аниной голове вертелось тысяча вопросов, на которые она пока не находила ответ, настолько шокирована была произошедшим. А потом разлетевшиеся кусочки пазликов стали складываться в одну большую картинку. Только один человек поднимался наверх, пока она была внизу.

...Да как он посмел?!... Зачем?...Что он себе позволяет?!.. Это подло – трогать чужие вещи. Интересно, где он еще рылся?

Аня рывком поднялась с пола, аккуратно сложила газету в сумку и порывисто выдохнула:

- Ни секунды в этом доме не останусь!

Вернувшись в комнату, она схватила чемодан, еще раз внимательно осмотрела комнату и двинулась на выход.

Домработница Вольского, увидав ее с чемоданом, замерла, испуганно переводя взгляд с Ани на ручную кладь, словно стеснялась спросить, что происходит.

- Мадам Ханна, Вы не подскажете, как вызвать такси до Вены? - вежливо